

наш
XX
век

ИЛАРИОН АВКСЕНТЬЕВИЧ

ТОЛКОНЮК

★
РАНЫ ЗАЖИВАЮТ МЕДЛЕННО

ЗАПИСКИ ШТАБНОГО ОФИЦЕРА

Наш XX век

Илларион Толконюк

**Раны заживают медленно.
Записки штабного офицера**

«Центрполиграф»

2017

УДК 355/359-05
ББК 63.3(2)622

Толконюк И. А.

Раны заживают медленно. Записки штабного офицера /
И. А. Толконюк — «Центрполиграф», 2017 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07501-7

Мемуары эти, написанные еще в советское время, между 1971 и 1991 годами, абсолютно не похожи на издававшиеся тогда во множестве мемуары советских фронтовиков. Фактов и суждений, неудобных для официальной советской версии истории войны, в них так много, что на основе их одних можно выстроить другую версию, с официальной не имеющую ничего общего. При этом автор был убежденным коммунистом, который и сам иной раз спохватывался, что пишет что-то не то, что-то «очерняющее» или «недооценивающее». Воспоминания Толконюка дают также исключительно наглядное представление о причинах, по которым на освобождение территорий, потерянных в сорок первом за четыре месяца, потребовалось два-три года; он рисует картину крайне негибкого, излишне централизованного управления войсками, не позволявшего нижестоящим командирам вовремя влиять на развитие событий, а вышестоящих заставлявшее подменять нижестоящих. Толконюк ярко высвечивает и характерное для советских командиров пренебрежение профессионализмом, подмену его «волевизмом». В общем, картина войны, постепенно восстанавливаемая независимыми историками, получает более чем существенное подкрепление. Сведения немецких источников и рассекреченной советской военной документации полностью подтверждаются мемуарами советского офицера.

УДК 355/359-05
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-07501-7

© Толконюк И. А., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Илларион Толконюк

Раны заживают медленно.

Записки штабного офицера

От автора

Для чего я пишу эти воспоминания

В последнее время, как у нас в Советском Союзе, так и за границей, широко вошло в моду писать мемуары или другого рода воспоминания. Разразилась своеобразная мемуарная эпидемия. Пишут буквально все, достигшие, как правило, преклонного возраста. Особенно активно взялись за писательский труд пенсионеры и старики-военные, принимавшие то или иное участие в Великой Отечественной войне Советского Союза с немецко-фашистскими захватчиками 1941–1945 годов.

Книжный рынок переполнен мемуарами авторов всех калибров и рангов: больше тех, кто калибром покрупнее, кому легче продвинуть свое творение в печать. А сколько пишут просто в корзину, с чуть теплящейся надеждой как-нибудь пробиться к цели в бесконечной очереди на подступах к издательствам, не поддается даже приближенному учету. Среди пишущих свои воспоминания немало и таких, которые не только далеки от писательского ремесла, но и расписываются с ошибками. В общем,

Как только стал товарищ старым,
Писать берется мемуары.

И каждому пишущему представляется, что все другие авторы мемуаров безбожно врут, а он один освещает абсолютную и объективную истину, так необходимую для просвещения неразумных, но жадных до истории потомков. О грехах своих, промахах и наделанных в жизни глупостях не пишет никто. А сколько их было!

Хотя изданные до сего времени мемуары и разношерстны по тематике, объему, стилю, внешнему оформлению, в них нетрудно уловить нечто общее. Почти каждый автор буквально выпячивает свою особо выдающуюся роль в освещаемых событиях, явно преувеличивая значение, роль, мудрость и героизм своей персоны, привлекая в свидетели, как правило, мертвецов, которые не могут возмущаться или протестовать. Мертвые, как говорится, не вопиют.

Может показаться, что и я заразился этой мемуарной лихорадкой и, будучи захвачен бурным потоком мемуаристов, взялся за перо. Не стану опровергать такого мнения. Может быть, это так и есть. Хочу лишь заметить, что я уже в среднем возрасте украдкой подумывал решиться на этот шаг и кое-что записывал по ходу дела. Сначала так, на всякий случай, а затем все серьезнее и серьезнее меня охватывала забота о том, чтобы не забыть чего-либо важного и значительного. Когда я был помоложе, полон энергии, то направлял свою активность на практическую работу. Но уже тогда имел в виду в свое время попробовать силы на поприще литературы, а вернее, мечтал облачить свои мысли в печатную форму. И я зафиксировал свои планы на будущее. Остался в памяти лишь небольшой отрывок на этот счет:

Сложу в труде иль на войне
Свои израненные кости.
Надеюсь, место будет мне
На Новодевичьем погосте!

А если долго проживу
И стану немощным и старым,
Переберусь тогда в Москву
И там возьмусь за мемуары.

Из этого видно, что и я именно к старости толкал себя на путь мемуаристов.

И вот теперь это время неумолимо наступает. Сажусь за стол и принимаюсь за воспоминания.

Мне не суждено было стать выдающимся военным или государственным деятелем. Ни во время войны, ни в послевоенный период я не вышел в полководцы, да и не стремился к этому. Поэтому у меня нет ни оснований, ни тяги к тому, чтобы оставить потомкам свое жизнеописание. До Великой Отечественной войны, как и многие мои сверстники, я окончил техникум, военное училище и военную академию, прослужив в армии 38 лет. Во время войны я был обычным штабным офицером, каких было много, выполнял свои скромные обязанности, рвался в бой с врагом где следовало и где не следовало, был дважды тяжело ранен, награжден несколькими орденами и медалями. После войны служил на ряде должностей среднего порядка: высоко не поднимался и низко не опускался. В звании генерал-лейтенанта меня настигла старость. А сколько мне подобных! И если все напишут свои мемуары, то вряд ли у кого-нибудь хватит времени, чтобы их прочитать. И все же что мне остается делать, если не взяться за воспоминания. Молодежь, как говорится, живет мечтами, а старики – воспоминаниями. Что же, попробую и я. Пусть это будет моим последним свершением. Авось издадут и, может быть, кто-либо прочитает. Неплохо придумано. Не правда ли?

В моих воспоминаниях читатель найдет описание эпизодов из моей ничем не примечательной жизни и свидетельство всего того, что мне приходилось наблюдать и делать в таком виде, в каком все это запечатлено в моей памяти. Итак, за дело!

Часть первая

Дорога на войну

Глава 1

Новобранец

1

Моя военная служба началась в начале 30-х годов. Прекрасное, хотя сложное и трудное то было время. Великая и многострадальная страна наша успешно освобождалась от экономической разрухи, вызванной Первой мировой и Гражданской войнами. Могучие руки и плечи раскрепощенного труда возводили на необъятных просторах Родины заводы и фабрики, кулачество ликвидировалось как класс, завершалась коллективизация многомиллионной крестьянской мелкоты. Молодое Советское государство, ломая злобное сопротивление врагов всех мастей и оттенков, наливалось созидательными силами, приступив к построению нового, социалистического общества. Но мировой капитализм, перепуганный и озлобленный опасным для него примером первого в мире рабоче-крестьянского государства, бешено вооружался и готовился задушить молодую Советскую республику любыми средствами. По Европе поползла зловещая тень фашизма, Италию и Германию взбесила коричневая чума. Японские самураи провоцировали военные конфликты на наших дальневосточных границах. Черные тучи опасности сгущались все больше, назревала новая война. Одним словом, международная обстановка вынуждала партию и правительство Страны Советов серьезно взяться за дальнейшее укрепление обороноспособности государства, увеличение мощи Красной армии.

Неизбежный в связи с этим рост численности вооруженных сил вынуждал по-новому решать проблему командных и политических кадров. Расширялись существующие и создавались новые военные школы. В них набирались молодые люди как добровольно, так и по специальному призыву. Говорили, что в военные школы должен идти цвет советской молодежи. Отбор был самый тщательный, кандидаты, кроме проверки здоровья и способностей, просеивались через классовое решето. В это самое решето волей судьбы и сложившихся обстоятельств был брошен и я прямо со студенческой скамьи. После неоднократного просеивания я стал курсантом Киевской артиллерийской школы с гордым чувством и твердым намерением стать командиром Красной армии.

Меня призвал и направил в артшколу военкомат города Нежина на Украине, где я учился в Институте профессионального образования имени Н.В. Гоголя. Процесс призыва в армию был сложный. Сначала пришлось писать подробнейшую автобиографию и заполнять длинную анкету с перечислением ближайших и дальних родственников. Потом медицинская комиссия – отбор по признакам здоровья: организм исследовался по всем канонам военно-медицинской науки. Оно бы и ничего, исследуйте, пожалуйста, жалко, что ли? Но беда в том, что в составе комиссии были представлены и молодые женщины-медички. А это уже другое дело. Осматривали-то в натуральном, так сказать, виде, в чем мать родила. И на тебя, голого со всех сторон, должны глазеть посторонние женщины. Да я и перед родной матерью ни за что на свете не предстал бы нагишом. Но деваться некуда; пришлось, сгорая от стыда, показывать себя принародно ничем не прикрытым. Раздеваюсь до подштанников. «Нет, – говорят, – снимайте и кальсоны!» Долго я возился, нарочно оттягивая время, но меня торопили, подкрепляя требо-

вание юмором. Вынудили наконец оголиться. Прикрыв неловко грех ладонью, я предстал перед комиссией в ярко освещенной просторной комнате, но убирать руку от определенного места не хотел; ее отвел силовым приемом какой-то верзила под веселый хохот присутствующих. Кроме меня, конечно. Мне было не до смеха.

И вот меня осматривают, заставляя поворачиваться в разные стороны: заглядывают в рот, уши, глаза, нос. Велят читать буквы на табличке, закрывая по очереди то правый, то левый глаз. Что-то шепчут, а я повторяю. Требуют делать такие движения, как колют дрова. Задают нескромные, знаете ли, вопросы: приходилось ли мне, к примеру, колоть дрова, подразумевая совсем другие действия. Дают альбомы с разноцветными цифрами и другими знаками, проверяя способность различать цвета. Сунули листок со строчками беспорядочно расположенных букв – и галдят, стучат линейками по столам, создавая адский шум, чтобы рассеять мое внимание, а я в это время должен одну букву зачеркивать, другую подчеркивать, третью округлять карандашом, четвертую оставлять нетронутой – и мысленно считать эти буквы по сортам.

Проделав все эти веселые упражнения, я сел, голый конечно, на маленький круглый стульчик, как мне указали. Включили мотор – и стульчик завертелся, как волчок. Все в моих глазах слилось, запрыгало, завертелось, затуманилось. До тошноты. Когда вращение прекратилось, я не мог разобраться, где что, даже комиссия показалась в еле проглядном тумане. Мне приказали выйти из комнаты. Вместо дверей я направился в противоположный угол, забыв одеться, и полез на стенку, посадив шишку на лбу.

Первый сеанс приемных, отборочных процедур несколько охладил мое желание стать красным командиром. Но это было лишь предисловие к первому уроку по военному делу.

О военной службе я имел в то время самое смутное представление. В глухом селе бескрайней Тургайской степи, где проходило мое детство, военных не было. Гражданская война не прокатилась по тамошним местам; смена власти проходила без кровопролития, путем бурных словопрений не за круглым столом, а у церковной ограды, с применением вместо оружия крепких мужицких кулаков.

Отец мой в армии не служил и в войнах не участвовал. На германскую войну его не мобилизовали из-за какой-то болячки. Правда, он был мобилизован колчаковцами, по пути в уездный город Атбасар удрал и возвратился домой, хоронясь с неделю в стогу соломы, пока опасность не миновала. Он все же подобрал где-то и подарил мне винтовочный патрон. Я высверлил в скамье дырку, вставил в нее патрон вниз пулей, приложил к капсюлю гвоздь и огрел по шляпке молотком, замыслив произвести выстрел. Пуля воткнулась в глинобитный пол комнаты, а раздробленным капсюлем поранило мне руку. Глухой звук выстрела, незнакомый запах пороха и сочившаяся из моей ладони кровь всполошили чуть ли не все село. Замотав раненую руку тряпкой, мать отдубасила меня лозняковым прутом, отклонив протест отца, вставшего на мою защиту. Потом я выковырял пулю из земли и, играя ею, нечаянно проглотил. Этим и ограничилось мое первое знакомство с военным делом. Так что, когда я поступал в артиллерийскую школу, мне предстояло распахивать, как теперь говорят, вековую целину военного поля. Все это было впереди. А пока что в составе команды подобных же рекрутов посадили меня в вагон – и поезд увез нас в Киев, куда я ехал впервые.

2

Приехали к вечеру. На вокзале нас встретил коренастый старшина Овдиенко, скрипя ремненным снаряжением и звеня шпорами. Он построил прибывшую команду в две шеренги у вагона и начальственно выкрикнул:

– Здравствуйте, товарищи!

– Здорово, – ответили отдельные смельчаки нестройным хором.

Большинство промолчало.

– Поздравляю вас с прибытием в нашу легендарную артиллерийскую школу! – продолжал старшина властным голосом. Не надеясь, что мы сможем достойно ответить на поздравление, он без паузы приступил к наставительной речи: – Слушайте внимательно! Я дам короткий инструктаж, чтобы вы не натворили глупостей, пока не освоитесь с обстановкой. Вопросов не задавать!.. Вы попали в артиллерию – грозный вид оружия, где говорят пушки, а музы, как сказал поэт, молчат. Знаете ли вы, что означают черные петлицы с красной окантовкой? – Он притронулся рукой к воротнику шинели. – Не знаете! А вот что они означают: черные петлицы – это земля, а красные канты символизируют кровь людскую... Разрывы мощных артиллерийских снарядов глубоко вспахивают поле боя, меняя лицо земли, и обильно увлажняют грунт вражеской кровью... Когда я скомандую «шагом марш», вы сделаете первый шаг в прославленную артиллерийскую школу, что на Соломенке; это будет шаг в командирский корпус красной артиллерии. Но сразу в школу я вас не поведу: это святая святых – и ваша дорога туда идет через баню. Там смоят с вас прах штатской жизни, убьют постороннюю живность, которая пока что кое на ком держится, и только тогда вам будет позволено переступить порог проходных ворот школы. Наследник капитализма – союзник контрреволюции – вошь не должна проникнуть в курсантскую казарму, в нее вы попадете не сразу, а не ранее как через две недели, после строгого карантина. До этого будете размещены в помещении батареи обслуживания... Баня – у Еврейского базара. Кто знает Киев, тот представляет, что идти километра полтора, менее чем полчаса ходу умеренным солдатским шагом. Пойдем на виду у киевлян. Идти стройно, являя бравый вид и выше голову! И с песней.

Нас перестроили по четыре в ряду, старшина проверил по списку и скомандовал:

– Шагом...

Некоторые шагнули, не дождавшись команды «марш»; строй смешался.

– Отставить! – выкрикнул Овдиенко грозно. – Шагом... марш!

Строй двинулся уже более организованно. Старшина подсчитал ногу:

– Ать-два, ать-два; левой, левой, левой!

Шеренги выправились, и мы пошли по слабо освещенной улице.

– Запевай! – выкрикнул старшина и запел первым:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья
и вместо сердца – пламенный мотор.

Мы подхватили кто как мог, повторяя за запевалой:

Все выше, и выше, и выше
стремим мы полет наших птиц.
И в каждом пропеллере дышит
спокойствие наших границ...

Чем дальше, тем песня лилась дружнее, организованнее. В паузах старшина подсчитывал ногу:

– Ать-два, ать-два; левой, левой, левой!

Перед баней строй остановился. Старшина пояснил: сначала войдем в грязную половину. Сбросите с себя весь ваш штатский хлам, сложите его в мешочки. Их вам выдадут. На бирках напишете фамилии и оставите барахло на скамьях. Тряпье ваше будет подвергнуто дезинфекции раскаленным паром в специальной камере и будет лежать на складе три месяца, на случай ежели кто будет отчислен. А кто останется в школе, получат свое майно и бесплатно отправят

по почте куда захочет: оно больше не потребуется. Ничего с собой не оставлять! Вам все выдают, вплоть до носового платка, иголки и ниток.

«Пропала моя дорогая каракулевая шапка», – констатировал я с горечью, когда уловил, что она будет предана раскаленному пару. Так оно впоследствии и случилось.

Когда мы разделись, несколько парикмахеров приступили нас обрабатывать, готовить, значит, к помывке: оголосили машинкой под нулевку, сбрили волосы на остальных частях тела, в том числе на недоступных обычно глазу местах, оставив нетронутыми только брови; все, что ниже и выше бровей, начисто лишилось растительности. Выдали по куску хозяйственного мыла и жесткие, как провололочные, мочалки и запустили в моечную, с расставленными на отполированных телах скамьях оцинкованными круглыми тазами.

– Смывать всю дрянь до самых костей! – приказал старшина, зашедший в моечную в белом халате поверх гимнастерки, внешним видом напоминая ветеринарного фельдшера. Он многозначительно пояснил: – Яички вшей, у кого водится этот классовый враг, спрятаны глубоко в порах кожи. Если их не выдрать мочалкой с мылом и не смыть горячей водой, они останутся и через несколько дней из них выведется новое поколение паразитов, которое тоже оставит в коже яички. И так без конца. А вшивый курсант что паршивый конь. Это учтите...

В чистой половине нам выдали новое белье, пахнущие дегтем юфтовые сапоги с портянками, новые солдатские грубошерстные шинели и кожаные поясные ремни. Защитного цвета гимнастерки и синие бриджи дорогого английского сукна (мериносовые), чистые и красивые, но далеко не новые, выдали как рабочее обмундирование. Старшина пояснил, что это обмундирование осталось еще от юнкеров, но оно лучше нового. Вместо шапок нас снабдили островерхими буденновскими шлемами с красными жестяными звездами на лбу.

3

В школе нас завели в солдатскую столовую батареи обслуживания, а не в курсантскую и подали ужин: горячая гречневая каша с мясом в бачках на десятерых (мы делили ее по порциям сами), сливочное масло, сахар, черный и белый хлеб по порциям, чай. Затем повели строем в казарму той же батареи и распределили по железным кроватям с аккуратно заправленными постелями. В прикроватных тумбочках находились предметы личного туалета и гигиены. Одним словом, было все необходимое для жизни и быта.

Мы, как новички, молча присматривались друг к другу и к непривычной обстановке. Спать легли по команде дежурного.

В 6 часов утра – подъем по сигналу. Раздетых до пояса, нас вывели на пятнадцатиминутную физзарядку. Еще было темно, но двор освещался электрическими фонарями на высоких столбах. Ночью выпал снег, и обжигающий ветерок с поземкой при пятнадцатиградусном морозе щекотал по бритым подмышкам, облизывал живот, бока, спину холодным языком. Побегав положенное время, мы возвратились в показавшуюся вдруг родной и уютной казарму, покрытые дымчатым инеем; от наших тел исходил сизый пар. Обмывшись под медными кранами умывальника – один сосок на пять человек, – мы оделись и под командой дежурного, назначенного из курсантов старшего курса, пошли на конюшню.

В теплом, ярко освещенном электричеством помещении вестибюля конюшни нас перестроили в одну шеренгу, поставив полукругом. Явился старшина Овдиенко. В ожидании начальства он заметно волновался. Тут же перед нами как-то неожиданно возник командир батареи курсантов Алексей Михайлович Манило – подтянутый, аккуратный, в идеально подогнанном обмундировании, в коричневых лайковых перчатках молодой человек со шпалой в петлицах. По внешнему виду, по всему существу своему это был эталон командира Красной армии, который наглядно олицетворял военную школу и показывал, каким должен быть в конце концов каждый из нас через три года обучения и воспитания.

– Товарищи курсанты! – приняв рапорт старшины и поздоровавшись с нами по-уставному, обратился к нам командир батареи. – Перед вами боевой артиллерийский конь (он показал поворотом головы на появившегося тут же огромного битюга, выведенного дневальным по конюшне). В паре с таким же своим собратом он ходит в коренной упряжке 122-миллиметровой гаубицы. Впереди коренной пары в орудие впрягаются еще две пары, именуемые уносами. Пока что кони составляют единственную артиллерийскую тягу; они входят в боевой состав артиллерии, как и боевые расчеты красноармейцев и орудия, именуемые материальной частью. Только в совокупности эти элементы составляют боевое подразделение. Конь верно и хорошо служит, если за ним надлежащий уход: достаточная и своевременная кормежка, водопой, ветеринарный надзор и чистка два раза в день. В военной школе вы будете с первого дня иметь дело с боевым конем. Сегодня я расскажу и покажу вам, как нужно обслуживать своего боевого друга...

Говоря уверенным, ровным голосом, он попутно показывал все приемы практически: как чистить корпус коня, гриву и хвост, копыта передних и задних ног; как поднимать и держать на своей коленке ногу коня, как проверять подковы, протирать белой влажной тряпочкой глаза и ноздри. Инструктаж закончился указанием, как чистить детородные члены животного. Причем командир батареи ни разу не назвал коня лошадью, а именно конем. Назвать строевого коня лошадью в школе считалось чуть ли не оскорбительным. Слово «лошадь» употреблялось, лишь когда речь шла о мероприятиях с конским составом: «чистка лошадей», «выводка лошадей» и т. и.

Тут же мы узнали, что конь или кобыла белой масти, как ни странно, более чистоплотны, чем, скажем, гнедые, вороные, карие; их легче и проще чистить и содержать в порядке. За кем из нас будет закреплен конь белой или серой масти, тому здорово повезет, сделал вывод каждый новобранец.

Нас повели к станкам, где стояли на привязи кони, и показали, как следует накладывать в кормушку сено, как кормить коня овсом, как поить, как содержать в порядке кормушку и станок. За каждым закрепили по коню, назвав клички; сказали возраст, норы и привычки. Видимо для острастки, командир батареи предупредил со всей строгостью, что если находят в шерсти коня вошь, то об этом докладывается письменно по команде, вплоть до наркома обороны товарища Ворошилова, как о чрезвычайном происшествии, с вытекающими последствиями. Чистота, а значит, качество чистки проверяется белым носовым платком путем протирания шерстяного покрова, гривы и хвоста. Потемнение платка или следы перхоти на нем влекут наказание чистильщика, как за дисциплинарный проступок.

О ужас! Мне не повезло. Попался огромный ломовик гнедой масти с хитрющими красными глазами и с явным наличием перхоти в хвосте и гриве. Толстые мохнатые ноги тяжело стояли на массивных свинцовых подковах. Звали коня Вепрь. Рядом стояла его напарница по коренной упряжке – кобылица Ванда, такая же огромная, мощная, с закрученными в кольца усами на верхней губе. Говорили, что эта пара в одном из боев с белополяками, попав под артиллерийский обстрел красных, носилась в ужасе по полю боя и, перемахнув линию фронта, оказалась в расположении красноармейцев, впряженная в орудийный передок. С той поры неизменно служит красной артиллерии. За боевые заслуги и огромный рост они получали повышенную норму овса.

Меня предупредили, что при чистке Вепря рекомендуется перебрасывать через его спину поясной ремень: тогда он стоит спокойно, смирно; без этой предосторожности так и норовит наступить на ногу или укусить. Оказывается, думалось мне, с конем, как и с человеком, необходимо наладить хорошие взаимоотношения и добиться взаимопонимания. Иначе не избежать беды: можно получить любую травму, даже стать калекой. Проводив командира батареи, старшина Овдиенко скомандовал: приступить к чистке... Вепрь вначале стоял смирно и косил на меня огненным глазом. Я перекинул поясной ремень через его спину и увлекся работой. И

вдруг Вепрь с удивительной проворностью наступил мне на ногу, намертво вмяв ступню в упругий пол стойла. Всю тяжесть своего грузного корпуса он перевалил на шkodливую ногу, и я не своим голосом взвыл от боли; острые шипы подковы впились в сапог и мертвой хваткой зажали ступню. Преодолевая адскую боль, я попытался столкнуть Вепря с ноги, но и не тут-то было: конь не шелохнулся. Сбежалась вся батарея. По команде старшины: «Взяли!» курсанты стали толкать упрямца; он стонал человеческим голосом, но даже не ослабил нажим. Наконец общими усилиями удалось освободить окаменевшую ногу. После этого происшествия я хромал с неделю.

После чистки лошадей – завтрак. На прием пищи расписанием дня отводилось 10 минут от команды «садись» до команды «встать». Без этих команд не разрешалось ни сесть за стол, ни встать из-за стола. Кто не успевал уложиться в отведенное время, поднимался по общей команде, не доев свою порцию. На это не обращалось внимания, и никому скидок на медлительность не делалось. Поэтому все ели поспешно, стараясь не отставать от товарищей и своевременно употребить все, что подано.

Первые занятия перемежались с неожиданным юмором. Как-то нам выдали винтовки со штыками и построили для отработки приемов с оружием. Среди нас оказался нежный и робкий, с розовым девичьим лицом и тонким пискливым голосом курсант Вася Жук. Старшина вызвал этого самого Жука из строя и перед лицом товарищей приказал ему, предварительно показав, как надо делать, подать команду «на плечо». Жук долго мучился: то густо краснел, то бледнел – и никак не мог решиться приступить к делу. С кончика его носа, несмотря на мороз, стали ниспадать крупные капли пота. Доведя до красного каления видавшего виды старшину, он наконец решился. Придав страдальческое выражение физиономии, он робко пропищал: «А ну, хлопцы, беримтэ гвинтивки на плэчи та будэм почынааты...» Взрыв хохота чуть ли не сорвал занятия; многие смеялись до слез и стали неуправляемы. Грозные окрики старшины с трудом водворили порядок. Подобные веселящие эпизоды были не единичны, и некоторые занятия проходили с юмором и запрещенными требованиями дисциплины репликами в строю.

В карантине мы пробыли больше положенного времени. Дело в том, что нас ежедневно по утрам проверяли на вшивость. У большинства, конечно, никаких вшей не находили. А если и обнаруживалась какая-то там прибудная, то после бани и смены нательного и постельного белья такие случаи встречались все реже и реже. Но, к несчастью, был среди нас курсант Мищенко, с которым вши расставаться не хотели; вошь у него находили ежедневно. Овдиенко пояснил однажды, что паршивая овца все стадо портит. «Хорошо еще, что Мищенко не конь, а человек, – говорил он, – а то бы пришлось командованию ежедневно представлять о нем донесение, вплоть до наркома обороны, как о ЧП». Когда в течение недели проверки оказались безрезультатными, наш карантин окончился – и мы были переведены в курсантский корпус, распределены по подразделениям и включены в общую учебную жизнь школы. В карантине мы немного втянулись в режим, освоились с непривычными условиями жизни, в общих чертах были ознакомлены с программой обучения и условиями военной службы. Младших командиров назначили к нам из числа курсантов старших курсов. От командира взвода и выше начальники были штатные – кадровые командиры и политработники. Воинских званий тогда в Красной армии не было, и начальников называли по занимаемым должностям: товарищ командир взвода, батареи, дивизиона и т. д. Знаки различия они носили по штатным категориям в виде кубиков и шпал на петлицах; младшие командиры носили соответственно треугольники, а высший командный состав – ромбы. На петлицах гимнастеров и шинелей курсантов красовались три желтые буквы «КАШ», что означало – Киевская артиллерийская школа.

Вот таким порядком началась моя военная служба, длившаяся более сорока лет: от курсанта военной школы до генерал-лейтенанта – первого заместителя командующего войсками военного округа. Самым памятным и самым важным в моей службе этапом была Великая Оте-

чественная война Советского Союза с немецко-фашистскими захватчиками 1941–1945 годов, участником которой мне пришлось быть от ее начала и до победоносного окончания.

Глава 2

Курсантские годы

1

Киевская артиллерийская школа имени П.П. Лебедева, курсантом которой я был зачислен с ноября 1933 года, размещалась в отдельном военном городке по Воздухофлотскому шоссе на окраине украинской столицы. Это место называлось Соломенкой. Рядом по направлению к аэродрому располагалась школа морских летчиков, а с другой стороны, на некотором отдалении, – 5-я пехотная школа.

Территория нашей школы была ограждена добротным забором с широкими въездными воротами, они круглосуточно охранялись нарядом и открывались по мере надобности. Рядом с воротами имела калитка для прохода одиночек и небольших групп, следующих без строя по пропускам. Перед городком школы простирался обширный плац, служивший местом различных учебных занятий. Этот плац правым дальним углом примыкал к старому, недействующему кладбищу, поросшему деревьями и кустарником и служившему прекрасным уголком для утомленного времяпрепровождения местной молодежи и курсантов. К плацу подходил трамвай № 8, здесь была его конечная остановка. «Восьмерка» была единственным средством сообщения с центральными районами города. Трамвай всегда набивался пассажирами до отказа.

На переднем плане огражденной территории располагался главный корпус школы – старинное добротное трехэтажное каменное здание, где размещались курсанты. В этом вместимом здании находились: спальные помещения, Ленинские комнаты, учебные классы, столовая, клуб с зрительным залом, спортивный зал и административные службы. В глубине городка – все остальное: манеж для занятий по конному делу, конюшни и открытые конюязи, артиллерийские парки, склады, котельная; в тыловой части было нечто вроде сада – овражистый участок с небольшими деревьями и кустарником. За пределами городка, вне огражденной территории, располагались флигели с квартирами начальствующего состава.

В этом военном городке, куда я вошел сугубо штатским человеком, мне довелось прожить полных три года и выйти из него кадровым командиром Красной армии, лейтенантом-артиллеристом.

И вот, после карантина, одетый с ног до головы в красивую военную форму с тремя буквами «КАШ» (Киевская артиллерийская школа), набитыми желтой краской на черных с красной окантовкой петлицах шинели и гимнастерки, обутый в начищенные до блеска юфтовые сапоги с металлическими подковками и звенящими шпорами, подпоясанный кожаным ремнем с латунной пряжкой, я почувствовал себя другим человеком. Недавнее мальчишество и студенческие вольности быстро вытеснялись из моего характера. Я стал считать себя вполне серьезным человеком, обдумывающим все детали своего поведения, отдающим отчет за каждый поступок. Словом, ко мне пришло понятие, что теперь я по-настоящему человек государственный, целиком отдавшийся на службу своей великой Советской Родине и больше сам себе не принадлежу, моя судьба отныне определяется судьбой страны, судьбой того народа, которому призвана служить Красная армия.

По мере того как я знакомился с историей школы, с героическим прошлым и настоящим РККА, вникал в программу обучения и воспитания, в результате чего курсанты должны будут перевоплотиться в военных профессионалов, во мне все больше и больше утверждалось намерение преодолеть любые трудности и оправдать надежды тех, кто остановил свой выбор на мне, комплектуя школу курсантами.

В воображении смутно вырисовывались три длинных года учебы и трудной солдатской службы, через которые предстояло пройти, прежде чем прикрепить к петлицам два красных кубика и артиллерийскую эмблему и стать командиром взвода. Что придется пережить за эти три года и какая ждет меня командирская судьба после школы – над этим задумываться пока не приходилось: молодость была готова на все.

2

Школа представляла собой хорошо продуманный, четко организованный и прочно сложившийся воинский организм. Она состояла сначала из трех, а затем из четырех дивизионов, командования и управления, подразделений обслуживания и обеспечения. Имелся политотдел во главе с комиссаром школы, редакция и типография многотиражной газеты. Была хорошо оборудованная медицинская часть и, конечно, гауптвахта. Своей бани не было, и курсанты мылись по графику в гарнизонной бане три, кажется, раза в месяц.

Каждый дивизион делился на три линейные батареи и взвод управления. Во главе дивизионов стояли опытные и солидные командиры с тремя шпалами в петлицах: штатная категория, соответствовавшая должности командира полка. Батарея состояла из взводов, делившихся, в свою очередь, на отделения и орудийные расчеты. В батарее было три орудия: 122-мм гаубицы или 76-мм пушки. Позже появились и 152-мм мортиры. Тяга – конная: впрягалось по шесть коней в орудие. Командиры орудий, взводов и начальники постарше имели персональных верховых лошадей.

По строевому расчету школа представляла полностью укомплектованный по штату военного времени артиллерийский полк. В составе полка и его подразделений проходили тактические и тактико-строевые занятия с практической отработкой обязанностей личного состава, огневая служба, строевые занятия, конная подготовка и т. д. Собственно военной службой и занятиями по строевому и боевому расчету, воспитанием, привитием курсантам дисциплины и всевозможных навыков руководили командиры и политработники подразделений; их помощниками были командиры орудий и отделений, помощники командиров взводов и старшины батарей, назначавшиеся из курсантов старших курсов.

Теоретические занятия по всем дисциплинам проводились преподавателями: военные и политические предметы преподавали кадровые командиры и политработники разных служебных категорий, а общеобразовательные – штатские специалисты (вольнонаемные). Иностранные языки преподавали женщины.

За успеваемость, соцсоревнование, состояние дисциплины, боевую слаженность подразделений, внутренний распорядок, несение караульной службы и внутренний наряд несли ответственность строевые командиры. Они пользовались дисциплинарными правами, определенными уставом, имели право поощрять и наказывать подчиненных.

Практические занятия проходили преимущественно в районе артиллерийских парков, конюшен, в манеже и на плацу. На тактические учения и боевые стрельбы в составе дивизиона и полка выходили походным порядком на Дарницкий артиллерийский полигон. Маршрут проходил почти через весь город, что вынуждало по городу маршировать ночью. Местность на полигоне представляла собой бугристое плато, покрытое сыпучими и вязкими песками и сосновыми перелесками. На лето выезжали в Ржищевские лагеря, где был полный простор для всяких учений и стрельб.

Начальником школы первые два года моего в ней пребывания был высокообразованный и опытный артиллерист Алексей Иванович Гофе, носивший два ромба. На третий год школу возглавил известный в то время артиллерийский начальник Т.А. Бесчастнов. Комиссар школы – П.И. Мазепов. Во главе дивизионов стояли солидные и авторитетные артиллеристы Снегуров, Барсуков, Эрикайне.

Военно-теоретические дисциплины вели знающие и любящие свое дело, умеющие вложить в головы слушателей нужные знания высококвалифицированные методисты. Среди них нельзя не отметить таких, как Стрельбицкий – преподаватель тактики артиллерии, Муфель, излагавший теорию устройства орудий и порохов, теоретические основы артиллерийской стрельбы, Брысов, возглавлявший преподавание военной топографии. Он был известен не только как отличный специалист и беззаветный любитель своей специальности, но и как изобретатель знаменитого брысовского круга, облегчавшего подготовку исходных данных для стрельбы, – нечто вроде малой механизации. Видное место занимали и пользовались всеобщим уважением также Коханский, Сухоруков, Ведонеев, Самойлов и др. Все они буквально вкладывали душу, прививая своим питомцам любовь к артиллерии и давая глубокие и прочные знания по этому ведущему в школе предмету.

До поступления в военную школу я имел определенную общеобразовательную подготовку. Поэтому по точным и гуманитарным наукам учился легко и порой без должного интереса. На таких занятиях поначалу я не находил ничего нового и на уроках умудрялся читать художественную литературу и не вести конспектов. Достаточно сказать, что за три года учебы мне удалось прочитать сто один объемистый роман. Чтение на уроках, главным образом на лекциях, и отсутствие у меня конспектов приносили немало неприятностей, хотя я сдавал зачеты и экзамены успешно – выручала память.

Что касается новых для меня, военных предметов, то они меня захватывали, вызывали значительный интерес и поглощали с головой. Особенно полюбили такие темы, как устройство артиллерийских систем, порохов, теория стрельбы, военная топография, военно-химическое дело, ветеринария, история Гражданской войны и некоторые другие. К изучению, скажем, теории стрельбы предварительно подводили разделы из высшей математики: теория вероятностей, теория ошибок и т. д. Изучение военной топографии начиналось, к примеру, с общей характеристики земной поверхности, магнетизма, вращения Земли, естественного рельефа местности, географических и геодезических данных. Это развивало любознательность и привлекало большой интерес к изучаемому предмету.

3

После карантина я попал курсантом взвода управления 2-го дивизиона. Командовал взводом очень старательный, немного суетливый и предельно подвижный блондин лет двадцати восьми – тридцати, по фамилии Садовой. Бросалось в глаза, что он до умопомрачения боялся начальства, но в обращении с подчиненными курсантами проявлял высокомерие и несдержанность, как бы любясь своей властью над людьми. Это приводило к поспешности в отдаваемых приказаниях и оставляло неприятный осадок; его не полюбили курсанты с самого начала, но, как ни странно, не боялись. Вследствие этого он нередко попадал в неловкое положение: над рядом его поступков подсмеивались откровенно и беззастенчиво. Главной же его слабостью была привычка при любом замечании в его адрес старших начальников сваливать вину на подчиненных. Таких людей не уважают ни начальники, ни подчиненные. Чаще всего выигрывают те, кто вину подчиненных смело принимают на себя, не боясь ответственности, как бы ограждая подчиненного от наказания старшими начальниками, а с провинившимся подчиненным уж сами выясняют отношения. Садовой не обладал такими качествами и потому, по видимому, почти не продвигался по службе многие годы старательной службы, считая такое положение несправедливым, и вынашивал обиду, которую невольно вымещал на подчиненных. Дивизионом командовал Михаил Михайлович Барсуков, носивший три шпалы. Он отличался всегдашней серьезностью, неразговорчивостью и казался сухим и суровым. Все у него получалось неторопливо и капитально. Если что-либо внушал подчиненному, то делал это своеобразно: не повышал голос, не выговаривал, не упрекал, а тихо и монотонно задавал нудные

вопросы один за другим; лучше бы выругал или наказал. Помнится такой случай. Куда-то я стремительно бежал по коридорам, толкая встречавшиеся двери плечом. Проскакивая одну из дверей, я неожиданно столкнулся с Барсуковым лоб в лоб и проскользнул раньше начальника, не уступив ему дорогу, что являлось грубым нарушением если не дисциплины, то субординации; во всяком случае, это был дерзкий, недопустимый поступок. Так поступил я не умышленно, конечно, а второпях, механически, не успев сориентироваться. Командир дивизиона меня остановил, вернул и потребовал повторить встречу с начальником, но уже по всем правилам. Затем состоялся такой диалог.

- Почему вы не уступили мне дорогу?
- Не заметил, товарищ командир дивизиона.
- А почему не заметили?
- Торопился.
- А почему торопились? Куда?
- На построение. Боялся опоздать.
- А почему боялись? Вы трусливы?
- Мало оставалось времени. Я не труслив, но не хотел иметь неприятности.
- А почему оставалось мало времени? От кого неприятности?

Своими вопросами и тоном, каким он их ставил, воспитатель завел меня в тупик. Вдоволь натешившись моей растерянностью, он постоял некоторое время, глядя на провинившегося юнца пронизывающими глазами, и отпустил, приказав, с подчеркнутой вежливостью, доложить о случившемся и полученных замечаниях своему непосредственному начальнику – командиру взвода Садовому. Пришлось выполнить неприятное приказание и получить от отчаявшегося Садового жуткий нагоняй; дело обошлось без дисциплинарного взыскания только потому, что Садовой посчитал это неуместным, поскольку командир дивизиона не приказал наказать меня.

Михаил Михайлович Барсуков два года был командиром дивизиона, в котором я состоял курсантом сначала взвода управления, а потом 5-й батареи под командованием Алексея Михайловича Манило. Много раз за это время Барсуков имел со мной дело. Мы встречались и впоследствии, через многие годы, когда я был уже полковником на войне, а он командующим артиллерией и членом Военного совета Западного фронта, генерал-полковником артиллерии. Последние годы он служил в Главной инспекции Министерства обороны, и в бытность мою начальником штаба и первым заместителем командующего военным округом мы встречались как старые знакомые и часто беседовали по душам. Он всегда считал меня своим воспитанником и говаривал об этом при случае.

Первые месяцы пребывания в школе я испытывал определенные затруднения морального порядка; были некоторые симптомы, порождавшие неуверенность в том, что удастся удержаться в школе и окончить ее. Вот один из таких симптомов.

Зачислив курсантами, нас продолжали досконально проверять. Проверяли не только способности и здоровье, но и социальное происхождение. В результате проверки кое-кто из моих однокашников был отчислен преимущественно по мотивам социального происхождения; у одного выявился факт скрывания им раскулачивания деда, у другого выяснился факт судимости брата или другого родственника, у третьего – имевшийся в свое время батрак у родителей и т. и. Выяснено это было путем посылки представителей школы по местам проживания родителей для проверки анкетных данных на месте. Меня эта сторона дела не беспокоила, хотя впоследствии стало известно, что и на мою родину приезжал человек с такой задачей. Беспокоило другое. Я оставил студенческую скамью в институте, поступив в армию фактически самовольно, без согласия горкома комсомола и комсомольского комитета института, членом которого был избран. Они официально не могли запретить мне поступить в военную школу, но посчитали оставление института нежелательным. Этого я не учел и поэтому с комсомольского учета снят

не был. А в военные школы тогда принимались лишь коммунисты и комсомольцы; я поступил как член ВЛКСМ. Стали ставить на комсомольский учет, но моей комсомольской учетной карточки не было. Пришлось обратиться в Нежинский горком комсомола с просьбой выслать документ, подтверждающий мою принадлежность к комсомолу. Ответ не обрадовал: «За самовольное оставление института и убытие без снятия с учета из комсомола исключен...» – гласила официальная бумага. Это влекло непременно отчисление из школы. Куда податься? В институт я возвратиться не мог, пропустив около двух месяцев учебы. Да и самолюбие не позволяло являться с повинной. А исключение из комсомола не вселяло надежды на восстановление в правах студента. В поисках выхода я написал откровенное письмо первому секретарю ЦК комсомола Украины Андрееву. И это решило дело: вскоре из Нежина в политотдел школы пришла моя учетная карточка и меня поставили на учет.

Учиться мне было легко. Из всех предметов на первых порах давалась тяжело только физическая подготовка; до школы я систематически физкультурой не занимался, а поэтому оказался немогущим. Пришлось наверстывать упущенное самостоятельными тренировками до изнеможения. Давалось мне это дело медленно и трудно. Лишь со временем я смог выполнять положенные по программе сложные упражнения на турнике, брусьях, кольцах, коне. Короче, потребовались месяцы упорного труда за счет свободного времени, чтобы подтянуться до требуемого уровня. И все же физическая нетренированность принесла мне впоследствии серьезную неприятность. Прошла примерно половина первого года обучения. Школа находилась в Ржищевских лагерях, где проводились тактические учения и боевые стрельбы. Командование школы должно было представить в округ сведения о сдаче норм ГТО. Но этот вопрос по какой-то причине упустили и решили по-пожарному организовать сдачу норм без должной предварительной подготовки. Во второй половине жаркого дня нас вывели на исходный рубеж в трусах и майках и приказали бежать по трассе 5 километров. Кросс засчитывался тем, кто пробежит дистанцию, кажется, за 22 минуты. И мы побежали. Параллельно бегущим гарцевал на горячем коне заместитель начальника школы М.А. Буковский: он контролировал бег и подбадривал бегущих, зная, что нас к этому не тренировали и не готовили. Для меня лично этот кросс обернулся тяжелым испытанием: на второй половине дистанции в животе что-то стало подниматься вверх и давить под ребрами; давило все сильнее и сильнее до невыносимости, затрудняло дыхание, сердце готово было вырваться из грудной клетки. Появилась мысль сойти с дистанции, остановиться и отдышаться. Но, стараясь пересилить боль и не подвести товарищей и начальство, я подпихивал кулак поочередно то под правое, то под левое ребро, как бы преграждая путь чему-то тому, что, поднимаясь снизу, невыносимо давило под ребрами. И бежал; бежал. Достигнув с невероятным трудом финиша, лег на землю и постепенно преодолел перебои дыхания и сердцебиения. В норматив по времени я вложился и норму ГТО по бегу сдал.

Через некоторое время в школе организовывался авиационный факультет, предназначенный готовить артиллерийских летчиков-наблюдателей, способных наблюдать с самолета цель, места разрывов своих снарядов и корректировать стрельбу по ненаблюдаемым с земли объектам. Отбирали курсантов для этого факультета со вторых курсов. Годность по состоянию здоровья была главным критерием. Проходил врачебную комиссию и я. Но меня забраковали, обнаружив значительное расширение сердца – последствия кросса. Я не стал летнабом, а расширение сердца осталось на всю жизнь.

Вернемся, однако, во взвод управления 2-го дивизиона, куда я был определен после карантина, о чем упоминалось выше.

4

По строевому расчету меня определили коноводом к командиру дивизиона Барсукову. Это была моя первая военная должность.

Командир взвода Садовой долго и подробно меня инструктировал, внушая важность обязанностей коновода; главное – понравиться начальнику. В мои обязанности входило: при подъеме по тревоге я должен был стремительно бежать на конюшню, седлать коня командира дивизиона и своего и ехать к квартире Барсукова, будить его, а когда он выйдет, поддержать стремя, чтобы начальнику было удобнее сесть верхом, затем быстро садиться на своего коня и следовать позади начальника, куда бы он ни ехал. Когда начальник спешивается, моя задача – предупредить его в этом, держать коня и подавать его снова, как только потребуется. Перед тем как вести коня без седока, стремяна должны быть подтянуты плотно к седлу, чтобы не болтались, а перед посадкой следует отпустить их на должный уровень, измерив путлище по длине руки. Все это я уяснил, но был огорчен такой непривлекательной должностью: она мне казалась холуйской и унижительной; с самого начала я искал способ отделаться от такой роли. Но как? Просто отказаться было бы недопустимой дерзостью. Размышления привели к решению повести себя так, чтобы Барсуков сам от меня отказался. И это удалось.

С объявлением первой же тревоги я все делал вопреки полученной инструкции. Оседлав комдивовского Богатыря, серого в яблоках великана, и сев на своего Донца, я поехал к флигелю, где жил Барсуков; постучал в окно и стал дожидаться, не спешившись. Стремяна у седла на Богатыре были подтянуты, и я их отпустить не удосужился.

Командир дивизиона вышел, натягивая на ходу лайковые перчатки, посмотрел на меня продолжительно с еле уловимой улыбкой, подошел к Богатырю, попробовал подпруги, отпустил стремяна и с необыкновенной ловкостью поднялся в седло. Мы поехали на плац, где ожидал своего командира построенный дивизион. Я держался рядом с начальником, следуя слева. Он подозрительно и с явным любопытством косил на меня левым глазом. Я не забыл, что при приближении к фронту дивизиона мне надлежало отстать и свернуть к флангу строя, но, умышленно этого не сделав, продолжал ехать рядом с Барсуковым.

Вот мы выезжаем на плац, следуем перед строем; комдив останавливается, поворачивает послушного коня головой к строю и здоровается. Я делаю то же самое, но, конечно, молча; поднеся руку к головному убору.

Комвзвода Садовой, стоящий в строю верхом, неистово, но так, чтобы это не было слишком заметно, подает мне знаками требование немедленно удалиться. Но я прикидываюсь простачком, не понимаю, в чем дело, и продолжаю свое.

Дивизион выступает на марш. Барсуков пропускает колонну мимо себя; я тут же рядом с ним, а не позади. Потом он обгоняет дивизион размашистой рысью и какое-то время едет во главе его. Затем снова съезжает с дороги, становится лицом к проходящей колонне, осматривая ее от головы до хвоста. Я не меняю избранную тактику. Садовой кипит, но покинуть строй и отозвать меня для надира не смеет. А Барсуков молчит, будто не замечая моей дерзости.

На первом же привале я был смещен с должности коновода, как не справившийся с обязанностями. За сорокалетнюю службу в армии это было единственное снятие меня с должности; огорчаться не следовало, так как снят я был без понижения: понижать некуда, ибо более низкой должности не было. Меня лишили персонального коня и направили во взвод для следования пешим порядком. А несчастный комвзвода Садовой получил от комдива нагоняй и замечание за неудачный подбор коновода.

Меня определили в отделение связи коммутаторщиком, проинструктировали и вручили технику: коммутатор «КОФ». Это была небольшая коробка с плечевым ремнем. Аппарат рассчитан на шесть номеров и использовался для управления огнем дивизиона: к нему подключа-

лись телефонные провода, соединяющие наблюдательные пункты батарей с наблюдательным пунктом дивизиона. Я должен был слушать подаваемые команды и повторять их для абонентов, переключая то и дело соответствующие кнопки. Дело простое, и освоить его не представляло труда.

На одном из учений на Дарницком полигоне комдив ехал на своем Богатыре быстрой рысью из района огневых позиций на НП. Поравнявшись с местом, где я сидел со своим «КО-Фом», Богатырь попал в занесенную снегом песчаную траншею, свалился, перевернувшись через голову, и повредил себе передние ноги. Барсуков ловко вывернулся из-под падающего коня, но все же здорово ушибся и не мог подняться. Я кинулся к нему, глубоко утопая в мягком снегу, перемешанном с песком, и помог командиру подняться, отряхнул с него снег, поправил съехавшее с плеч снаряжение, отыскал оброненный бинокль. За этот подвиг мне была объявлена устная благодарность.

Через некоторое время меня назначили командиром отделения связи. Таким образом, я стал уже не просто курсантом, а начальником, командиром, имеющим в подчинении своих сокурсников и товарищей.

За время обучения в школе я занимал ряд должностей младшего комсостава: после командира отделения связи я был командиром вычислительного отделения, подготавливавшего исходные данные для стрельбы с использованием измерительных инструментов, специальных таблиц и полевого планшета; был командиром орудия, помощником командира огневого взвода. Командирская должность, конечно, приносила лишние хлопоты, взваливала на курсанта дополнительную нагрузку и ответственность, но была полезной: давала определенную командирскую практику, прививала навыки работы с людьми, учила пользоваться предоставленной властью, развивала чувство ответственности; создавала хоть маленький, но авторитет. Курсантам, занимавшим должности младших командиров, платили рублей на пятнадцать больше в месяц, чем рядовым курсантам. А главное, они, как правило, имели закрепленных коней и в походах, на стрельбах и учениях ездили верхом, а не ходили пешим порядком, что немаловажно.

На тактические учения и для проведения боевых артиллерийских стрельб мы выходили зимой на Дарницкий артиллерийский полигон, где буквально утопали в песках, перемешанных конскими ногами и колесами орудий с сыпучим снегом, а летом выезжали на Ржищевский полигон, добираясь туда по Днепру на баржах. Там мы проводили в напряженной учебе почти все лето.

Если Дарницкий полигон отличался песками и огромным сосновым лесом, затруднявшими передвижение и ограничивавшими видимость, так нужную артиллеристам, то Ржищевский полигон имел свои особые условия: песчаные бугры, поросшие кустарником вроде лозняка; между буграми – болотистые впадины с массой малярийных комаров. Огромные желтые насекомые нас буквально заедали; работать на планшете ночью из-за них было настоящей пыткой: при освещении планшета фонарем, без чего работать нельзя, они сплошной массой облепливали лицо, шею, руки, лезли в глаза, нос, уши, рот, противно звенели и очень болезненно кусали. Проведешь по щеке или лбу рукой – и сгребашь липкие ломти грязи, образовавшиеся из смятых насекомых. Большая часть побывавших там курсантов переболела малярией. Заболел и я. Эта скверная болезнь протекала в тяжелой форме: сначала поднималась высокая температура, делавшая человека беспомощным, угнетала и высасывала силы; болела голова, бросало в дрожь. Постепенно болезнь переходила в хроническую и не отпускала годами: время от времени проявлялась приступами – повышенная температура, дрожь тела, ощущение зябкости, потеря аппетита. Она провоцировалась при охлаждении или перегреве тела, отдельными видами пищи: дыня, спелые помидоры, виноградное вино и т. д. Лично меня малярия преследовала лет десять; она исчезла незаметно во время войны на фронте, видно не выдержав тягот фронтовой жизни. Медицинская служба старалась лечить больных и проводила профилакти-

ческие мероприятия: хинизация тогда была единственным средством борьбы с этим коварным заболеванием, и то малоэффективным. Всех нас поили жидкой хиной – самая противная процедура, какие я только знал. Давали хину и в порошках. Это только приглушало болезнь какое-то время, но не избавляло от нее.

Мне, как пострадавшему от малярии, показалось, что принимаются не все меры для избавления людей от этого несчастья. И вот я написал фельетон и послал в газету «Красная звезда». Фельетон назывался «СОН». В нем говорилось, что однажды в малярийном бреду мне приснился начальник Центрального медицинского управления Красной армии. Будто его принес в зубах к нам на полигон исполинский малярийный комар. В иронической форме излагались всяческие приключения в борьбе высокопоставленного медика с малярийным гигантом; побеждал комар, а не человек, вооруженный медицинской наукой. Фельетон не был напечатан, но из Москвы прибыла специальная комиссия для расследования и принятия мер на месте. Последовали конкретные мероприятия; стали заливать нефтью с самолетов болотистые места, как первоисточники комариного нашествия. В результате комаров заметно уменьшилось, меньше стало маляриков.

Здесь уместно вспомнить и о другом моем фельетоне, направленном на борьбу за справедливость и защиту человеческого достоинства. Дело было так.

Первые месяцы нас не пускали в городской отпуск: на всю школу был наложен общий карантин в связи с какой-то эпидемией среди местного населения – грипп или что-то другое, вызывавшее массовое заболевание. Всю зиму мы не выходили за ворота школы, кроме как в баню, на учебный плац или на полигон, и то только в строю. Впервые разрешили увольнение, кажется, в апреле. Порядок бытовал такой: желавшие пойти в город после завтрака до обеда или после обеда до отбоя, а иногда и на целый день записывались у командира отделения, и список передавался старшине батареи; старшина докладывал командиру батареи на утверждение. Уходящим выдавались увольнительные записки. Старшина выстраивал увольняемых, тщательно осматривал и инструктировал правилам поведения в городе, а затем строем вел их к дежурному по школе. Тот тоже придирчиво осматривал внешний вид, проверял на выдержку знание правил поведения и давал разрешение на выход строем за ворота. Пройдя ворота, строй распускали; курсанты стремглав бросались к трамваю, силой вталкивались в переполненный обычно вагон и ехали в центр города, где и бродили: кто просто шлялся по Крещатику, кто шел в кино, кто в парк, а кто к знакомым или родственникам. Для наблюдения за поведением курсантов в городе назначались командиры подразделений; это же входило в обязанности всех начальников, оказавшихся на улицах и в общественных местах. Прогуливавшемуся курсанту приходилось смотреть в оба, чтобы вовремя увидеть старшего и первым отдать честь или не быть замеченным с папиросой в зубах.

Пошел и я в первое увольнение. Собственно, идти было некуда; родственников и знакомых у меня в городе не было, я просто решил пошататься по Крещатику, посмотреть его достопримечательности. Возвращаясь и по установленному правилу иду к дежурному по школе с докладом о возвращении и что за время моего нахождения в городском отпуске замечаний и предупреждений не имею. Дежурный приказывает идти в санчасть на санитарный осмотр. Иду – раздеваюсь до пояса и подвергаюсь осмотру на вшивость; проверка, не принес ли в школу городскую вшу. Не принес. Делают отметку в увольнительной записке, это дает право идти в подразделение.

Давно заведенная в школе неприятная процедура ни у кого не вызывала протеста, но меня она возмутила и толкнула написать первый в жизни фельетон (это было раньше фельетона о комарах). Ни с кем не посоветовавшись, тайком от товарищей и начальства пишу фельетон под названием «Вошь и санчасть». В нем язвительно, в сатирической форме высмеивался порядок возвращения курсанта из увольнения: факт проверки на вшивость рассматривался как унижение достоинства советского человека, недоверие к нему; косвенное оскорбление киев-

лян, с которыми могло быть общение уволенного курсанта. Послал свое творение в окружную газету. Мне не верилось, что фельетон может быть опубликован, но думал таким путем добиться отмены унижительного осмотра на вшивость, хотя, кажется, никто, кроме меня, не считал это унижительным и неправомерным. Прошло несколько дней, я уже было чуть ли не забыл о фельетоне, как случайно встретился в коридоре с комиссаром школы П.И. Мазеповым, знавшим меня в лицо. Вместо ответа на приветствие, комиссар остановил меня с необычной для него веселостью:

– Это ты разделал в фельетоне под орех наши порядки? Ну и молодец! – Он залился хохотом, хватаясь за живот и покровительственно похлопывая меня по плечу.

Я, конечно, смутился и побежал за газетой. Фельетон действительно был напечатан полуподвалом на внутренней странице газеты. Вскоре осмотр на вшивость побывавших в городе курсантов отменили без всяких словопрений.

И вот вызывает меня к себе в кабинет комиссар школы, минуя всю лесенку прямых начальников, и говорит:

– Остроумный фельетон у тебя получился. – Обращение на «ты» должно было означать знак особого внимания. – Давно так не смеялся. У тебя, брат, сатирический талант. Учись этому щепетильному делу. При окружном Доме Красной армии есть литературное объединение, занятия проводятся по субботним вечерам. Я записал тебя туда; ходи заниматься.

Я так и поступил. Занятия в объединении дали мне возможность близко видеть и слушать многих украинских писателей: Тардова, Ивана Ле, Качуру, Л. Первомайского, П. Усенка, П. Тычину, З. Тулуп и др. Общим руководителем был Тардов, а непосредственно занимался с нами писатель Коваленков, известный в те времена под именем Косарик.

Я аккуратно посещал занятия до окончания школы и понемногу пробовал писать стихи.

Командир взвода Садовой выказывал явное недовольство моим участием в этом далеком от курсантских обязанностей мероприятии: ему не нравилось еженедельно отпускать меня в город.

Как-то проводился семинар молодых писателей Украины и я был приглашен в нем участвовать, нужно было два дня отсутствовать в школе. Садовой воспротивился отпустить меня с пропуском учебных занятий. Пришлось обратиться к комиссару школы. Мазепов приказал не чинить мне никаких препятствий. Слухи об этом распространились среди курсантов, и меня стали считать чуть ли не писателем.

Военную присягу мы принимали в первый год обучения в День Красной армии. На площадь привели молодых курсантов всех киевских военных школ, выстроили у памятника Богдану Хмельницкому. Правда, памятник виден не был: его обшили досками, укрыв от глаз будущих командиров; он в те времена не пользовался уважением, как атрибут старого строя. Кто-то читал вслух текст присяги, а мы повторяли хором.

После отстрела начального упражнения из винтовки и принятия присяги нас стали назначать в караул, сначала во внутренний, а потом и в гарнизонный. Несение караульной службы, особенно гарнизонной, считалось большим доверием, было облачено какой-то таинственностью и приравнялось к выполнению боевой задачи. Поэтому мы шли в караул с большим душевным волнением и старались не заснуть на посту, не допустить ошибки при смене с поста или при проверке бдительности.

Курсантская жизнь, насыщенная разными событиями, все же казалась протекающей медленно, и до окончания школы была целая вечность. А тут еще при школе организовали краткосрочные курсы по подготовке командиров взводов, получавших после их окончания по одному кубуку в петлицу, что соответствовало будущему званию «младший лейтенант». Наиболее слабо успевающих курсантов отчислили из школы и послали на эти курсы; через полгода они окончили курсы и стали командирами. Мы это считали несправедливым по отношению к нам и завидовали счастливым.

Как бы ни был переуплотнен распорядок дня, я находил время много читать. Начитавшись разных романов и под их влиянием, я вздумал переменить свое положение. Решаю предпринять шаги, чтобы перейти из артшколы в военно-инженерную академию. И вот тайком от всех пишу письмо начальнику военно-учебных заведений РККА Е.С. Казанскому: прошу и по-своему обосновываю просьбу – перевести меня слушателем академии. Я высказал готовность сдать вступительные экзамены даже по конкурсу. Написал и послал.

Ответа долго не было. Начались переводные экзамены за второй курс. В округе в это время проводились большие маневры. Школу послали собирать парашюты при выброске воздушного десанта. Там я впервые увидел многих прославленных в Гражданскую войну военачальников, занимавших высокое положение в армии: К.В. Ворошилова, командующего войсками Украины и Крыма Якира, его заместителя Дубового, члена Военного совета округа Амелина и др. Видел и военных представителей иностранных армий.

Как только вернулись в школу, ко мне подошел Садовой и, отведя в сторону, заговорщицким голосом спросил, зачем меня вызывают в Москву. Чувствовалось, что взводный обеспокоен. Я вспомнил письмо к Казанскому, но сделал вид, что ничего не знаю. Вокруг меня началась всякая возня, перешептывание; выдали новое обмундирование, тщательно подогнав по моей фигуре, а шинель спешно пошили новую по командирскому покрою. Совсем не поношенные хромовые сапоги, выданные как выходные, тоже заменили на новенькие. Командировочное предписание мог подписать только начальник школы, но он был на маневрах. Пришлось ждать. Поэтому я смог уехать с недельным опозданием. Меня заботливо провожали, на вокзал отвезли на машине; сам Садовой сопровождал до вагона.

Приехал в Москву. Прихожу на улицу Фрунзе, 19, по указанному в предписании адресу. Там, в белом здании с колоннами, мне предстояло предстать перед начальником УВУЗ Казанским, носившим четыре ромба. Это волновало и бросало чуть ли не в дрожь. Охватило такое чувство, что я с радостью вернулся бы в школу. Но отступления не было. Получаю пропуск и захожу в огромный подъезд с массивными дубовыми дверями: часовые, проверка пропуска, официальность – все это как-то давило и возбуждало воображение. Поднимаюсь на второй этаж и иду по длинному коридору, смотрю на номера кабинетов и читаю надписи над дверями. Вот кабинет начальника Главного политического управления Я.Б. Гамарника. Стараюсь ступать тихо, не нарушая торжественной тишины.

Вот и кабинет Казанского: дверь полуоткрыта. Захожу в приемную, стараясь не вызывать волнения. Миловидная молодая женщина встретила вежливо, с приятной улыбкой; предложила сесть, дала журнал и кипу газет.

– Подождите немного, – сказала она. – Вас сейчас примут.

Секретарша скрылась за дверью другой комнаты, обитой дерматином. Вскоре она возвратилась и вышла из приемной. Вернулась и снова пошла в кабинет начальника с папкой в руках. Выходя, она оставила дверь открытой.

– Заходите, – сказала она с нескрываемым сочувствием, – представьтесь по всем правилам.

За столом сидел солидный и красивый мужчина средних лет, в отутюженной военной форме с двумя ромбами на петлицах. Нетрудно догадаться, что это не Казанский. Я вытянулся и стал представляться. Но он неторопливо поднялся, вышел из-за стола и протянул мне руку, не дав закончить рапорт. Предложив мне садиться, начальник снова сел за стол. Перед ним лежали бумаги, одна из которых была мне знакома – мое письмо Казанскому.

– К сожалению, – проговорил он мягким, приятным голосом, – вас не может принять товарищ Казанский, он срочно уехал в Ленинград. Жалел, что не увидится с вами. Поручил мне, его заместителю, принять вас и от его имени переговорить. Вас это не очень огорчает? Начальник УВУЗ понимает вашу просьбу, – продолжал заместитель, перелистывая мое длинное письмо с какими-то пометками. – Но это считается нецелесообразным. Судя по письму,

не приходится сомневаться, что вы успешно сдадите экзамены в академию. Да вас туда можно зачислить и без экзаменов. Но поймите, – это ничем не оправдано. Мы берем в академии и гражданскую молодежь, на некоторые факультеты. В кандидатах недостатка нет. Но какой смысл брать вас из артшколы и засаживать на пять лет за учебу? Через год вы артиллерийский командир. Стоит ли лишать армию молодого командира без серьезных на то оснований? Конечно же нет.

Товарищ Казанский высказал пожелание, чтобы вы по-прежнему продолжали учебу в артшколе и успешно закончили ее. Он будет следить за вашей учебой. По окончании школы начальник Управления приглашает вас заехать к нему представиться уже в роли артиллерийского командира; он обязательно хочет видеть вас через год. Надеюсь, вы меня поняли?

– Так точно, понял, – ответил я невесело, уяснив, что затея с академией рухнула.

– Ну вот и хорошо, договорились. Я так и доложу товарищу Казанскому, – заметил высокий собеседник. – Передайте привет и наилучшие пожелания от товарища Казанского и меня товарищу Гофе. Доложите ему о нашей беседе. Разрешаю вам пару дней провести в Москве: сходите в театр, кино или еще куда. А потом поедете. Где вы остановились?

– Пока нигде. Да устраюсь как-нибудь.

– Зачем же как-нибудь? Поезжайте в гостиницу Центрального дома РККА. Место для вас найдется, администратор получит указания, – заключил беседу начальник.

В приемной секретарша вручила мне билеты в два театра и проводила до лестницы.

В поезде я обдумал свой поступок задним числом и пожалел о нем. Меня мучила совесть: ведь, обращаясь с письмом непосредственно к начальнику УВУЗ, я грубо нарушил уставные требования, действуя через головы своих ближайших прямых начальников. Придется держать ответ, если дело получит огласку. Теплый же прием в Москве немного успокаивал. Я решил доложить о причинах вызова и содержании беседы только начальнику школы и комиссару, хотя по правилам субординации должен доложить непосредственному начальнику – командиру взвода.

Прямо с вокзала являюсь в кабинет начальника школы. Постучался и, не дождавшись ответа, резким движением открыл дверь и шагнул.

В ответ на стук А.И. Гофе шагнул мне навстречу, и мы столкнулись лбами. Я растерялся и дал задний ход, отступив за порог. Начальник школы возвратился в кабинет и позвал меня, успокаивая. Он уже знал о беседе со мной в Москве и как она возникла, поэтому мне не пришлось подробно докладывать.

Пока я ездил, в школе шли переводные экзамены, и я вынужден был пропустить несколько предметов. Как быть? Сдавать особо не хотелось, да и время было упущено. Начальник учебного отдела Любимов распорядился засчитать мне экзамены по средним показателям. Это меня вполне устраивало, поскольку средние годовые показатели были высокие. Таким образом, я был переведен на третий курс без экзаменов.

5

Третий год учебы был самым напряженным: завершалось освоение трехгодичной программы, проходили стажировки в частях на должностях среднего командного состава, проводились зачетные стрельбы боевым снарядами и тактические учения, шилось выпускное командирское обмундирование, готовились служебно-боевые характеристики на будущих командиров.

Школу часто поднимали по боевой тревоге и выводили на полигон. Поднимут часа в четыре утра и ведут на преждевременный завтрак. Кормят усиленно и рекомендуют съесть несколько граммов соли; это, дескать, должно уменьшить жажду на марше в жаркий день: нужно только стойко вытерпеть первый ее приступ. Каждый имел флягу с водой для полоска-

ния рта и смачивания пересохших губ, но не для питья, ибо вода в жару не утоляет жажду, а, наоборот, усиливает ее, человек исходит потом и быстро истощает силы. Преимущественно на рассвете мы шли походным порядком по городу, проходя коммунальный мост через Днепр в Дарницу. Путь долог, поэтому в центральном районе Киева устраивался малый привал, на котором курсанты сбивались в небольшие группы, курили, рассказывали анекдоты, обменивались шутками. Все это быстро восстанавливало силы и повышало настроение.

При проведении стрельб боевым снарядом своеобразно прививалась определенная ответственность за экономию народных средств. На выполнение упражнения выделялась строго обоснованная норма снарядов, рассчитанная на безошибочную подготовку исходных данных и умелую пристрелку цели. Стреляющий курсант получал боевую задачу пристреляться и перейти на поражение; скажем, уничтожить группу пехоты или подавить пулеметную точку. Указывалась на местности конкретная цель. Курсант, зная условия упражнения и руководствуясь курсом огневой подготовки, выступал в роли командира батареи: он должен был глазомерно подготовить исходные данные для стрельбы, подать команды на огневую позицию, одним орудием пристрелять цель по наблюдениям знаков разрывов и затем перейти на поражение взводом или батареей. Лишний, то есть необоснованно выпущенный, снаряд резко снижал общую оценку стрельбы, а сэкономленный, соответственно, повышал ее. Приучая нас к экономному расходованию снарядов, приводили такой довод: один, дескать, 122-мм снаряд равен стоимости колхозной коровы. Следовательно, напрасно выпущенный снаряд – это выброшенная на ветер колхозная корова.

Мне довелось стрелять именно 122-мм батареями и сэкономить не только корову, но и время на подготовку данных, что дало повод чувствовать себя в этот день чуть ли не героем, получив отличную оценку.

Как-то начальник школы объявил боевую тревогу не ночью, как обычно практиковалось, а во второй половине дня, под конец мертвого часа. Шинели висели на вешалке в коридоре, а хлястики от них были в прикроватных тумбочках спального помещения. Такой порядок возник стихийно и давно. Кто-то потерял хлястик и встал в строй без него, нарушив форму одежды, за что получил дисциплинарное взыскание. Тогда он украдкой снял хлястик у соседа и прицепил на свою шинель. Пошла цепная реакция: курсанты снимали хлястики один у другого. Чтобы не иметь неприятности, мы, вешая шинели на вешалку, сами снимали хлястики и уносили в прикроватные тумбочки. Поднятые по тревоге, большинство курсантов второпях забыли захватить хлястики и встали в строй без них. Начальник школы наблюдал прохождение батарей, стоя у проходных ворот, и обратил внимание на отсутствие хлястиков на наших шинелях. Мы тут же были возвращены в казарму. Начальник школы не стал, вопреки ожиданию, ни распекать, ни агитировать за порядок: он распорядился сшить несколько десятков запасных хлястиков и держать их у дежурных по подразделениям в специальных ящиках; их можно было брать любому и в любое время. Это было простое и мудрое до гениальности решение – хлястики больше не пропадали и не было нужды снимать их с шинелей; из ящиков не был взят ни один хлястик, так как все хлястики оказались налицо. Неприятное явление исчезло само по себе.

Говоря о тогдашней военной школе, нельзя обойти и так называемый женский вопрос. Да, именно женский вопрос. А он имел в жизни курсантов немаловажное значение. Можно выразиться так: если хочешь заставить молодого мужчину по-настоящему уважать женщину, лиши его на какое-то время возможности общения с ней. И это так.

В школе нам не часто случалось встречаться с женщинами и редко пользоваться их обществом в свободной обстановке. Поэтому многие из нас смотрели на девушку или на молодую женщину как на какое-то высшее, почти недоступное существо, чувствовали неловкость и смущение в их присутствии, не находили, что сказать, и нередко, как бывает в таких случаях, говорили не то, что следовало, иногда даже глупость. Как упоминалось выше, первые месяцы нас вообще не пускали в городской отпуск, а когда увольнение было разрешено, то

отпускали по выходным дням на короткое время лишь небольшой процент желающих. Не все могли в незнакомом городе завести знакомство с девушкой, а тем более сдружиться: это удавалось лишь немногим из наиболее расторопных и умелых в таком тонком деле. В самой же школе женщины работали, конечно, в библиотеке и магазине, официантками в столовой. По сравнению с курсантской массой это были единицы. Да и те преимущественно замужние или в возрасте, курсанты для них интереса не представляли. Молодые девушки из официанток предпочитали сдружиться с курсантами выпускного курса, завтрашними командирами, и выйти за них замуж после выпуска; для этого они и устраивались в школу официантками на короткое время. Заведующий столовой пожилой старшина Поволоцкий с каждым выпуском впадал в отчаяние: почти все молодые официантки высказывали замуж и уезжали; приходилось спешно набирать новых.

Чтобы дать нам возможность хоть изредка общаться с девушками в здоровой обстановке, время от времени в клубе школы устраивались вечера с танцами. На эти вечера курсантам разрешалось приглашать знакомых девушек; им выдавались пропуска для входа на территорию школы, если встречал у проходной пригласивший. В такие дни можно было наблюдать у ворот большую очередь киевских красавиц. И все же имел подругу далеко не каждый. Иногда наблюдались и драматические случаи: находились молодые сердцееды из выпускников, обещавшие своей подруге жениться, а когда приходило время сдержать слово, старались улизнуть; на перроне вокзала после отхода поезда порой виднелась плачущая одинокая красотка с поясным ремнем в руках, за который она ухватилась, когда неверный жених вскакивал на подножку уходящего вагона, расстегнув ремень, чтобы освободиться от цепких рук. Эти, хотя и редкие случаи подрывали доверие требовательных красавиц к курсантам, затрудняя знакомства и дружбу. Это еще больше разжигало тягу к молодым особам женского пола.

Я не завел подругу в Киеве. У меня была невеста в Казахстане, где я раньше учился в техникуме. Мы договорились пожениться, когда я окончу военную школу. Связь наша поддерживалась и укреплялась частой перепиской. В середине второго года моей учебы, когда невеста уже стала учительницей сельской школы, она приехала за три тысячи километров в Киев, чтобы увидеться со мной; остановилась в гостинице и сообщила мне телеграммой о своем приезде и что ждет меня. Было начало учебной недели, и командир взвода Садовой категорически отказал мне в городском отпуске хотя бы на пару часов и не разрешил обращаться по команде к старшим начальникам по такому маловажному вопросу. Невеста ждала три дня и уехала ни с чем, посчитав, что я избегаю встречи с ней. Вскоре она вышла замуж за местного агронома, не ответив ни на одно из моих оправдательных посланий.

В одно из увольнений мне выпал случай познакомиться с интересной молоденькой блондинкой – Тамарой Гончаровой. В первой же беседе она сказала, что никогда не выйдет замуж за военного. Ее старшая сестра допустила такой необдуманый, по словам Тамары, шаг и теперь вынуждена мучиться всю жизнь. Муж ее, командир батальона, все время занят на службе, приходит домой поздно и не каждый день, уставший, мятый, в грязных сапогах, и чуть свет уходит. Супруги редко бывают вместе, не могут по-людски сходить в театр или кино. Дети почти не видят отца. Поэтому живут недружно, скандалят и ревнуют друг друга. Моя новая знакомая такими словами глубоко меня обидела, дав понять, что наше знакомство ничего хорошего обещать не может. Больше попыток знакомиться с киевлянками я не предпринимал, надеясь уладить размолвку со своей далекой невестой; о ее замужестве я узнал позже...

Наступил долгожданный день выпуска в первых числах ноября 1936 года. Остались позади три года напряженной курсантской учебы и солдатской службы, выпускные государственные экзамены, стажировки и зачетные боевые стрельбы; написаны и утверждены служебно-боевые характеристики. Нам пошили новое командирское обмундирование, выдали скрипучее ременное снаряжение, хромовые сапоги со шпорами. Полученные командирские фуражки массового пошива нам не нравились, и многие из нас заказали красивые фуражки у

частника, заплатив втридорога. Начальник школы Бесчастнов, сменивший на этом посту Гофе, уже съездил в Москву с проектом приказа наркома обороны о присвоении нам лейтенантских званий и назначении на должности в войска.

Вспоминая о выпускных экзаменах, прошедших в общем-то с большим подъемом и вполне успешно, нельзя обойти молчанием один юмористический казус. Знание русского языка проверялось так. Чтобы сохранить в тайне текст диктанта, его решили устроить одновременно для всех военных школ Киева; текст диктанта был утвержден единый. Это был отрывок тургеневского рассказа «Муму». Усадив экзаменующихся всех школ за столы, диктовали по радиотрансляционной городской сети. Слышимость была нечеткой, и некоторые слова точно уловить удавалось с трудом. Многие курсанты, не расслышав как следует ту или иную фразу, изрядно напутали. К примеру, фразу «А Герасим греб да греб» одни написали «А Герасим прет да прет», другие – «...врет да врет» и т. п. Вскоре после этого экзамена в окружной газете появился фельетон под названием «А Герасим прет да прет». С саркастическим юмором высмеивались устроители такой формы диктанта. Фельетон огорчил руководителей экзаменов, а нас хорошо развеселил и позабавил. Автор фельетона остался неизвестным.

Значение персонального воинского звания я уяснил раньше из одного показательного случая. Примерно за год до нашего выпуска в Красной армии были введены воинские звания. Их присваивали приказом наркома обороны каждому командиру. Это было сделано и с постоянным составом нашей школы. В просторном коридоре выстроили весь начальствующий состав школы и два старших курса; строй замер в гнетущей тишине по команде «смирно». Зачитывался приказ наркома обороны К.Е. Ворошилова о присвоении персонального звания каждому нашему командиру и преподавателю. Люди ждали упоминания своей фамилии с душевным трепетом, ибо имели место неожиданные, труднообъяснимые случаи. Большинству присваивались звания, примерно равные тем служебным категориям, которые они имели. Например, носил три шпалы – получал звание полковника, две – майора, одну – капитана и т. д. Некоторых же вдруг ошарашивали как обухом по голове; вместо двух или трех шпал оставляли одну или вместо шпал – кубики. Таким образом кое-кто из старшего командного состава переводился в средний. Называлась из приказа фамилия и присвоенное звание, человек выходил из строя строевым шагом, и ему вручались знаки различия – шпалы или кубики по количеству, соответствовавшему присвоенному званию. И вот упоминается фамилия одного из командиров, две шпалы, и называется присвоенное звание – «старший лейтенант», тот теряет сознание и с грохотом падает на паркетный пол. Его уносят в медпункт, и церемония продолжается. Оказывается, получившие пониженное звание стыдились своих сослуживцев, знакомых, жен, детей и других родственников; глубоко переживали такое тяжелое потрясение. Нужна была железная воля, чтобы не выказать убийственного горя. Лишь со временем, на опыте долголетней службы, я понял причину таких глубоких потрясений и значение в армии воинских званий, по которым подчиненные судят о способностях, опыте, уме и заслугах лица, имеющего звание выше того, которое носят сами, хотя нередко это не так. Однако вернемся к нашему выпуску.

Одетых в новенькую командирскую форму, скрипящих пахнущим приятно снаряжением и звенящих шпорами, нас построили и повели в специально для этого случая подготовленную курсантскую столовую. Столы были поставлены впритык длинными рядами, накрыты белоснежными скатертями, уставлены красивой посудой, бутылками и холодными закусками.

Коньяки, водка, вина, с вытянутыми наполовину пробками из бутылок, икра, ветчина и другие вкусные снадобья ожидали своих счастливых потребителей. Мы заняли свои места за столами, но не сели, а стоя ожидали церемонии, пощупывая в карманах заветные лейтенантские кубики по два на каждую петлицу; в них заранее приготовлены дырочки для кубиков. Остается лишь укрепить эти кубики на петлицах – и мы лейтенанты красной артиллерии. Стоим в приподнятом настроении и в торжественном ожидании момента посвящения нас в командиры. Здесь же наши начальники и преподаватели военных дисциплин. Молчание.

Стоим. Ждем. С не совсем ясной обидой я обдумываю свою служебно-боевую характеристику. В целом она отличная, но в бочку меда влита ложка дегтя: командир взвода не преминул указать, а старшие инстанции утвердили, что я «болезненно самолюбив». Эта фраза, следует заметить, забегаая вперед, фигурировала в моем личном деле почти все сорок лет службы: ее просто переписывали из одной аттестации в другую, не отдавая отчета, положительно или отрицательно она меня характеризует. И все же записывалась она в аттестации как явление в моем характере отрицательное. А я считал самолюбие чертой положительной, неотделимой от воли человека.

Широкая дверь в столовую распахнута настежь. В проеме показалась группа ожидаемых руководителей партии и правительства Украины и военного округа. Впереди С.В. Косиор и И.Э. Якир. В дверях возникла небольшая, но многозначительная заминка: командующий войсками Украины и Крыма Якир старается пропустить вперед первого секретаря компартии Украины Косиора, но тот отступает в сторону и вежливо подталкивает вперед Якира. Но Якир упорствует, и заминка кончается тем, что Косиор проходит первым; идя между рядами собравшихся, он приветственно пожимает свои руки, как бы имитируя рукопожатие с нами. За ним следует Якир и затем все остальные. Косиор маленького роста, с бритой круглой головой, подвижный и веселый. Среди идущих вслед за Косиором и Якиром – начальник и комиссар школы. Мы кричим «ура!» и аплодируем. Они тоже аплодируют. Высокие гости зашли за длинный стол, поставленный торцом к залу. Зачитывается приказ о выпуске молодых артиллерийских командиров и присвоении нам лейтенантских званий. Выслушав, быстро вдеваем кубики в петлицы и становимся лейтенантами. Председательствует Якир. Начинаются короткие поздравления и напутственные речи. Последним стал говорить Косиор. Но ввиду маленького роста его плохо видно из-за стола, заставленного вазами с цветами и фруктами, бутылками и яствами. Якир, зайдя сзади, берет Косиора под мышки, легко поднимает и ставит на стул. Косиор сопротивляется, но в конце концов остается стоять на стуле. Мы аплодируем в знак одобрения жеста командующего. Косиор говорит ясно и четко. В который раз уже нам внушают, что учеба в военной школе – это только основа нужных командиру знаний и первые его шаги в службе Родине, а настоящая учеба и работа будут в войсках. Много было высказано теплых слов в наш адрес и добрых пожеланий и напутствий. Официальную часть вечера закрыл Якир, сообщив, что правительство Украины дает нам торжественный ужин. В зале появляются официанты из киевских ресторанов. Начинается пир: тосты, звон бокалов, хлопки вылетающих из бутылок шампанского пробок. Мы вначале ведем себя сдержанно, стеснительно, затем смеем все больше и больше. Шум говора усиливается, переходя в непрерывное гудение слившихся воедино сотен молодых голосов. Между официальными тостами – разговоры, взаимные поздравления, пожелания, уверения в вечной дружбе. Последний тост провозглашает Косиор. Он не ссылается ни на занятость, ни на усталость, а говорит как-то по-дружески, доверительным тоном:

– Как бы ни хорошо с вами, дорогие товарищи, но мы должны вас покинуть; пора и честь знать. Наше присутствие вас связывает. Вам надо побыть одним, в своем дружном коллективе, без постороннего глаза. В своей курсантской семье вы сегодня проводите последний день. Завтра разъедетесь в разные концы нашей необъятной Родины, и кто знает, когда еще и кому из вас придется свидеться и в какой обстановке. Продолжайте веселиться в своем кругу. Не будем вам мешать.

Высокие гости фотографируются с нами по группам, прощаются и уходят. Мы допиваем и доедаем все, что оставалось, и переходим в зрительный зал на следующий этаж. Там толпятся в ожидании танцев приглашенные некоторыми выпускниками киевские красавицы. Начался поистине молодежный бал. Стали расходиться только к утру. Вновь испеченные лейтенанты разбрелись по городу; кто провожал знакомую девушку, а кто просто бродил бесцельно, прощаясь с городом, в котором проведены три больших года. Благо дело, теперь не требовались

ни разрешения на выход в город, ни увольнительные записки. Дежурный по школе организовал сбор по городу нескольких перебравших спиртного и не в меру веселившихся питомцев школы: по улицам на машинах сновали патрули, разыскивали нарядных лейтенантов и увозили их в школу, предлагая отоспаться.

Нам предоставили месячный отпуск, выдали двухмесячный оклад денежного содержания по должности командира взвода, документы для бесплатного проезда по железной дороге к месту проведения отпуска и, затем, в часть назначения на службу.

У меня был хороший друг Николай Павлович Голуб, мой однокурсник и товарищ по литературному объединению; он обладал завидным талантом литературного критика и необыкновенными способностями. Мы решили попроситься послать нас для прохождения службы в одну часть. Обращаемся к начальнику школы с рапортом об изменении приказа, которым я был назначен в Новороссийск, а Голуб на Дальний Восток. Мы изъявляли готовность ехать вместе в любое место. Но получили отказ, мотивированный тем, что надо было сказать об этом раньше. Пришлось разлучиться с горечью и грустью.

Моя дорога в Магнитогорск к родителям, где я решил проводить отпуск, лежала через Москву. Вспомнил начальника УВУЗ РККА Казанского и его желание видеть меня после окончания школы с рапортом в новом качестве. Приехал в Москву и позвонил в Наркомат обороны. Мне сказали, что товарища Казанского перевели на другую должность и его в Москве нет. Окольными путями узнал, что он назначен военным атташе, кажется во Францию. Встретиться с ним мне было не суждено ни в те памятные времена, ни в последующем.

Глава 3

В артиллерийском полку

1

После первого командирского отпуска, проведенного у родителей в Магнитогорске, в декабре 1936 года я прибыл к месту службы в Новороссийск. Предписание гласило, что я назначен командиром взвода в 22-й артиллерийский полк 22-й стрелковой дивизии. Но такого полка в Новороссийске не оказалось. Дело в том, что за время, прошедшее от подписи приказа до прибытия в пункт назначения, произошли важные события: 22-я дивизия, штаб которой дислоцировался в Краснодаре, была отправлена на Дальний Восток. Вместо нее в тех же пунктах дислокации частей сформирована 74-я дивизия. Поэтому я и оказался во вновь сформированном 74-м артполку.

Временно исполнял обязанности командира полка чуткий и умный начальник штаба майор Малышев. Он с нескрываемым огорчением сообщил, что определяться на квартиру я должен сам, подыскав частную, как поступают все молодые командиры. Несемейных, дескать, командиров гарнизон жильем не обеспечивает.

Полк был территориальный, существовавший по сокращенному штатному расписанию: до штата военного времени он развертывался за счет призыва приписного состава из местных военнообязанных граждан, необходимое имущество поставлялось из народного хозяйства, а оружие и военное снаряжение хранились на складах НЗ. Командиры основных подразделений были кадровые. Имелась материальная часть артиллерии, определенная часть конского состава. Солдат и младших командиров в линейных подразделениях не было. Для обучения и слаживания подразделений личный состав запаса привлекался на учебные сборы два раза в году: зимой и летом. Причем летние сборы проводились, кажется, двухмесячные. В этот период проходили учебные и тактико-строевые занятия и тактические учения, оканчивающиеся боевыми артиллерийскими стрельбами. В междусборовое время мы были заняты командирской учебой, как в учебном заведении. Материально наши занятия обеспечивала батарея обслуживания, имевшая кадровый личный состав, материальную часть артиллерии, приборы, стрелковое оружие, лошадей и т. п. В основном приходилось заниматься в классах под руководством командиров батареи и дивизиона. Больше всего занимались артстрелковой подготовкой, огневой службой, марксистско-ленинской учебой по 8 часов в день и ходили начальниками караула и дежурными по полку.

С первых дней я увидел, что не получил того, что ожидал: взвода у меня не было и совершенствовать командирские навыки можно было только во время учебных сборов.

Вскоре, в связи с введением в батарею четвертого орудия, в ней было создано два огневых взвода, составлявших полубатарею. И я стал командиром полубатареи.

В первое время нам, выпускникам артшколы, по артстрелковой подготовке трудно было соревноваться с более опытными командирами, вышедшими из одногодичников – людей, призванных на военную службу из числа имеющих среднее и высшее образование. Рядовыми они служили один год, и если оставались в армии, то становились командирами взводов, получали воинские звания и далее проходили службу наравне со всеми. В артстрелковом деле они, как правило, были виртуозами. Теоретически по военным предметам, да и не только по военным, они были значительно слабее нас. Но в практической службе, в навыках стрельбы, в конной подготовке мы им намного уступали. Эти командиры были старше нас по возрасту и опытнее во всех отношениях. Нам пришлось многому у них учиться и перенимать сложившиеся

в командирской среде традиции. Большинство из них было подлинными мастерами артиллерийского дела. Подтверждением этому может служить, к примеру, выходец из одногодичников лейтенант Г. Полуместный. Выскочит он, скажем, при перемещении батареи, на высотку верхом на коне, бросит взгляд в сторону огневой позиции и на еле заметную впереди цель – и исходные данные для открытия огня готовы. Он это делал, не пользуясь ни картой, ни компасом, ни биноклем; буквально с ходу подавал команды и вел пристрелку цели по наблюдениям знаков разрывов с невероятной точностью. Нам, молодым командирам, это чудо казалось чуть ли не каким-то колдовством. Со временем секрет был разгадан. Оказывается, по четкости тех или иных деталей местных предметов он безошибочно глазомерно определял расстояние до цели и огневой позиции, углы измерял по насечке делений угломера на нижнем срезе козырька фуражки, незаметной постороннему глазу; насечка ему заменяла бинокль. Вычисление исходных данных для стрельбы такой виртуоз производил устно с помощью выработанных практикой мнемонических правил. Одногодичники вначале превосходили нас и в вопросах полной подготовки данных, где использовались топокарты, планшеты, специальные масштабные линейки, циркули-измерители, брысовские целлулоидные артиллерийские круги и таблицы логарифмов. Все это у нас, молодых командиров, вызывало досаду и зависть. Но через три-четыре месяца командирской учебы многие из нас не только сравнялись с виртуозами, но и превзошли их.

2

В период летних учебных сборов развернутый до полного штата полк выходил для проведения тактических учений и боевых артиллерийских стрельб в Саратовский лагерь (под Краснодаром), где был и артиллерийский полигон. На сборах я становился командиром полнокровной батареи, получал в подчинение и под ответственность около двухсот красноармейцев, конский состав в качестве орудийной тяги, четыре орудия и другое. Надо было обучать призванный на сборы личный состав, командовать на занятиях и учениях. Дорвавшись до настоящего живого подразделения, я старался показать, что не напрасно три года учился в военной школе. Иногда случались и неприятности, вызванные моим чрезмерным командирским рвением. Выведу, например, огневые взводы в поле и давай отрабатывать чуть ли не цирковые трюки. Быстроту и четкость действий орудийных расчетов и упряжек я считал главным в боевой подготовке. Ради этого я иногда пренебрегал техникой безопасности, не боясь ответственности за возможное ЧП. Несясь карьером впереди полубатареи на своем гнедом красавце с красными флажками в руке, вдруг бросаю флажки в точки, куда должны стать орудия, и взмахом флажка подаю команду занять огневую позицию. Взводы на полной скорости разворачиваются, и, когда орудие наезжает на флажок, цепко расположившийся на лафете красноармеец поддевает специальным ломиком под шкворневую лапу, рычагом сбрасывает орудие с передка и слетает вместе с ним. Упряжка далее уже без орудия, с одним передком, не сбавляя скорости, уносится в укрытие. Орудие приводится к бою моментально, намного перекрывая нормативы. Этот трюк не был предусмотрен руководством и инструкцией и таил в себе возможность несчастного случая. Но я на свой страх и риск упорно применял этот и другие подобные методы обучения. Мне делали замечания, упреки и внушения, особенно командир дивизиона подполковник И. Булев, но я продолжал свое, терпеливо перенося неприятности. К удивлению, прямые начальники прямо не запрещали мне проявлять инициативу и не прибегали к дисциплинарным взысканиям. Это я принимал за негласное поощрение и продолжал свою линию.

Однажды на полковом учении с боевой стрельбой я должен был провести зачетную стрельбу 122-мм гаубичной батареей (4 орудия) шрапнелью по движущейся цели. Руководил стрельбой и принимал зачет начальник артиллерии 9-го стрелкового корпуса комбриг П.Н. Афросимов. Это был известный и авторитетный артиллерист, неизменно ходивший с бритой

головой и носивший красивую клинообразную черную бороду. Высокий и худощавый, с образцовой выправкой и всегда серьезный и официальный. В полку он бывал редко, и до этого момента я его видел только один раз, да и то со стороны. Его мы знали как строгого, требовательного, но справедливого начальника, побаивались и в его присутствии старались показать себя с наилучшей стороны.

Узнав, что этот высокопоставленный артиллерист будет лично принимать у меня стрельбу, да еще шрапнелью, – это упражнение считалось наиболее сложным, я волновался, ожидая руководителя стрельбы на своем НП. И вот он, в сопровождении командира полка и командира дивизиона – моих ближайших прямых начальников, появляется на автомобиле, идет по ходу сообщения в траншею на высоте. Я его встретил и доложил о готовности к выполнению боевой задачи. Он поставил задачу по карте и включил секундомер. Стрелять я должен был на основе полной подготовки исходных данных. На этом я сэкономил время, что давало лишних 10 баллов. Оставалось сэкономить один снаряд – и отличная оценка обеспечена. Но дело сложилось по-иному.

Сделав несколько пристрелочных выстрелов одним орудием, наблюдая в бинокль места разрывов по отношению положения цели, – наступающая пехота – по тени от облака разрыва и пыли, поднимаемой при ударе шрапнельных пуль о землю, подаю команду для сострелки веера: по одному снаряду из каждого орудия (четыре снаряда, десять секунд выстрел) – и впился глазами через бинокль в район цели, стараясь мгновенно зафиксировать в уме каждый воздушный разрыв, измерив расстояние их от цели и отклонение по горизонту и высоте и взаимное расположение разрывов между собой. И вот все четыре разрыва вспыхнули на равных интервалах; даже не потребовалось корректировать веер. Можно было переходить на поражение. Мысленно я поблагодарил старшего на огневой позиции. И вдруг... несчастье! Раздался пятый выстрел. Онемев от неприятной неожиданности, я все же нашел в себе силы проследить за разрывом: высоко над целью блеснул огонек и поплыло по ветру белое облачко. И тут я не выдержал и сорвался: напряженные и без того нервы дали осечку. Контроль над поступками был утрачен.

– Коня! – заорал я, забыв о присутствии комбрига и других моих начальников. Не спросив разрешения и самовольно прервав стрельбу, я вскочил на коня и галопом помчался на огневую позицию, находившуюся в 4 километрах позади НП. Это был непростительно дерзкий поступок с моей стороны, но я об этом не думал. Я был крайне возмущен старшим на огневой позиции лейтенантом Полуминским. У меня и накануне стрельбы была к нему серьезная претензия, а тут еще этот безобразный поступок с лишним выстрелом! Это фактически сводило на нет мою зачетную боевую стрельбу, да еще в присутствии высокого начальства. Мое возмущение кипело, и я был готов избить Полуминского. На ходу соскакиваю с коня и набрасываюсь на и без того очумевшего лейтенанта:

– Что вы, Полуминский, наделали?! Это диверсия! Вы нарочито подвели не только меня! Опозорили всю батарею, дивизион, полк!.. – Я задохнулся от ярости.

Лейтенант Полуминский, маленький и жалкий, со сбившейся набок пилоткой на лысой голове, с повисшими на одном ухе круглыми очками, весь потный и бледный, побелевшими губами, заикаясь, еле слышно пробормотал:

– Виноват... простите, товарищ лейтенант!.. Выстрелы мы считали по стреляным гильзам. Гильза от правого орудия залетела в траву, и я ее не заметил. И мы второпях, на всякий случай, дали еще один... А он оказался пятым...

Мне вдруг стало жаль этого несчастного приписника. Ничего больше не сказав, я быстро вернулся на НП.

Комбриг Афросимов, как будто ничего не случилось, приказал:

– Подайте следующую команду, лейтенант! Перерыв в стрельбе не будем принимать во внимание.

Я подал команду на поражение: батарея должна была сделать четыре беглых выстрела из каждого орудия. Но руководитель остановил стрельбу и подвел итог. Я, конечно, ожидал неудовлетворительную оценку, поскольку подготовка огневых взводов лежала на моей ответственности, и строгое дисциплинарное взыскание за недопустимый поступок. Но комбриг, видимо успевший обсудить создавшееся положение с моими ближайшими начальниками, особенно с тогдашним командиром полка, душевным на редкость полковником Граматовичем, спокойно спросил:

– Как вы поступили со старшим на батарее? Небось дали волю кулакам или обматерили в присутствии подчиненных?!

– Какой с него спрос, товарищ комбриг? Дело сделано, и его уже ничем не поправишь, – ответил я с непроходимой тоской в голосе.

Руководитель стрельбы улыбнулся, переглянулся с командиром полка и объявил оценку – «отлично».

– А огневыми взводами занимаетесь как следует! – сказал он и, попрощавшись, уехал.

Такое чуткое и гуманное обращение меня совершенно обезоружило, и я не стал наказывать лейтенанта Полуминского. Пришлось простить ему и вчерашнюю оплошность.

Вечером накануне стрельбы я рано лег отдыхать, чтобы отоспаться перед сложной и ответственной стрельбой. Полуминскому приказал получить на гарнизонном складе по наряду 24 шрапнельных выстрела. Получив боеприпасы, он зашел ко мне в палатку и доложил о выполнении поручения. Я на всякий случай спросил его, как выглядят снаряды.

– Снаряды как снаряды, – пояснил лейтенант, – с острыми длинными взрывателями.

– Так это же гранаты, а нужны шрапнели! – забеспокоился я и вскочил с постели. – Ведь в наряде было указано, какие выстрелы должен был выдать склад!

Полуминский невразумительно ответил, что в помещении склада было темно и, наверное, кладовщик не смог толком разобраться.

Пришлось среди ночи обращаться к дежурному по караулам и просить его вызвать начальника склада, приказать ему вскрыть хранилище и заменить снаряды.

Инженер цементного завода Полуминский, лет на десять старше меня, был призван из запаса на учебный сбор. Достаточных навыков артиллериста не имел и обе ошибки допустил незаметно.

Так легко отделавшись за свой безобразный и недопустимый поступок во время зачетной стрельбы, я все же сделал для себя серьезный вывод и будто повзрослел, стал более вдумчив в своих действиях и с еще большим рвением продолжал службу. Все шло хорошо, но недолго. Нагрянувшие вскоре неожиданные драматические события отодвинули деловую сторону службы на задний план, затмили в памяти все лучшее, наводнив душу острыми переживаниями.

3

Как-то собрали весь командный состав в полковом клубе на экстренное и неплановое собрание. Комиссар полка старший батальонный комиссар Толмачев сделал сообщение об аресте и осуждении специальным трибуналом под председательством С.М. Буденного группы известных военачальников, среди которых оказались и такие видные герои Гражданской войны, как Якир, Уборевич и др. Они обвинены в измене Родине и объявлялись врагами народа. Их присудили к расстрелу. Это было неожиданным и потрясающим известием. Совершенно неожиданно в нашу мирную трудовую жизнь врезались события, последствия которых трудно было представить. Нельзя было не подумать о том, что в стране раскрыт далеко зашедший военный заговор, возглавляемый высокопоставленными деятелями Красной армии. К нему причастны многие командующие военными округами. Это говорило о широком размахе

подготавливаемого мятежа, направленного на свержение советской власти и восстановление капитализма в нашей стране. Вызывало тревогу и то, что отзвуки этого заговора не проникли в нашу среду. А это означало, что заговорщики готовили переворот тщательно, сумев до последнего момента сохранить организацию и коварные замыслы в глубокой тайне. В таком случае заговорщики могли быть и среди нас, строго замаскированными. Доверие к старшим начальникам стремительно рушилось. Появилось и стремительно разрасталось взаимное недоверие между близкими товарищами и друзьями. Поэтому мы уклонялись от откровенного обсуждения случившегося. Наряду с этим, как это бывает в подобных случаях, появились люди, громко и гласно осуждавшие врагов народа, с пеной у рта доказывая свою преданность партии и народу, хотя их об этом никто не спрашивал.

И все же, уединяясь по два-три человека, некоторые из нас тайно, как истинные заговорщики, делились тревогой и недоумением. Как могло случиться, мусолился вопрос, что люди, не щадившие ни крови, ни самой жизни в борьбе за завоевание и защиту от врагов советской власти и идей ленинизма, встали на путь измены?

В это же время был восстановлен ранее отмененный институт военных комиссаров, что прозрачно показывало необходимость в усилении контроля над строевым командным составом, вызванного появившимся недоверием к нему, как некогда к перешедшим на сторону советской власти офицерам царской армии – военспецам.

Начались аресты в полках и в штабе дивизии; они проводились втихую, по ночам. Первым был арестован командир дивизии комдив Кильвейн.

Собрали весь командный состав дивизии на стадионе в Абинском учебном лагере и зачитали обращение ко всем военнослужащим Красной армии. Обращение, как помнится, было за двумя подписями: Ворошилова и Ежова. В нем говорилось, что в армии существует контрреволюционный заговор. Многие причастные к нему разоблачены славными чекистами и арестованы. Но есть еще и оставшиеся на свободе. Некоторые из них, дескать, осознав свое заблуждение, являются в органы с повинной. Указывалось, что в отношении тех, кто явится добровольно с повинной и сознается в принадлежности к врагам народа, может быть поставлен вопрос об оставлении их даже в армии. Тех же, кто не откликнется на гуманный призыв, ждет суровая революционная кара. Это обращение означало, что кто-то подозревает и в нашей среде наличие врагов народа, что вызвало еще большее смятение умов. Мы молча разошлись поздно вечером по частям, не решаясь заговорить друг с другом. Я и старший лейтенант Ткачев, командир одной из батарей не моего дивизиона, пошли вместе. Оставаться наедине самим с собой не хотелось, да и настроение ко сну не располагало. Сели на скамье в парке возле штаба дивизии. Мы с Ткачевым не были близкими друзьями, но доверяли друг другу. Сам по себе возник разговор о создавшейся ситуации. Верить не хотелось, но и не верить было невозможно. Ткачев спросил меня:

– А ты заметил какие-либо признаки того, что у нас в полку есть враги народа? Ведь если они есть, то должны же кое-кого из нас тоже втягивать в эту авантюру: вербовать, скажем, агитировать...

Я ответил отрицательно, сказав, что ко мне по этим вопросам никто ни прямо, ни косвенно не обращался.

Мы долго беседовали и разошлись по палаткам и легли спать поздней ночью. Утром (это было воскресенье) я спал долго. Часов в девять, когда уже высоко поднялось и жарко светило солнце, меня разбудила приехавшая в лагерь навестить мужа элегантная красавица жена Ткачева Алла. Она вошла в мою палатку и с растерянным волнением набросилась с вопросами:

– Где мой муж? Что с ним случилось? В его палатке невообразимый беспорядок. Что это может значить? Ты, говорят, вчера вечером был с ним вместе. Где он теперь?..

Я быстро оделся, и мы вошли в палатку Ткачева. Бросился в глаза полный разгром: личные вещи и книги разбросаны на полу, чемодан разорван и валялся прямо под ногами у входа. Любимой ткачевской собаки-овчарки не было.

– Ничего не понимаю, – сказал я растерянно. – А ты не спрашивала о Ткачеве у дежурного по полку? Он не может не знать, если что случилось ночью.

– Спрашивала, – отвечает сквозь слезы. – Он мнется и ничего толком не говорит. Что-то скрывает...

Мы пошли в штаб полка; она осталась у здания, а я зашел к дежурному.

– Что тебе известно о Ткачеве? Где он? Его ищет жена и волнуется.

– Я ничего не могу сказать, – отвечает дежурный лейтенант Чеволла. – Если тебе так нужно знать, спроси у начштаба. Он у себя в кабинете.

Начальник штаба полка майор Малышев, рано прибывший в штаб несмотря на воскресный день, выслушал меня и, не поднимая опущенной головы, сказал:

– Ткачев сегодня ночью арестован. Больше ничего не знаю. Он помолчал и как бы неохотно спросил:

– Ты, говорят, был с ним вместе вчера вечером. Говорил ли он что-либо такое... изменническое?

– Абсолютно ничего, – отвечаю нервно. – И на врага народа он не похож. Вы лучше меня это знаете.

– Если бы знал... – задумчиво молвил майор и разрешил мне идти.

Узнав то, о чем не могла не догадываться и без моего сообщения о постигшей мужа участи, Алла Ткачева поплакала несколько минут и затем спросила, вытирая слезы розовым платочком: где она должна теперь искать мужа. Я ничего не ответил, и она уехала в город.

Кажется, в 1943 году я случайно встретил Ткачева, тогда уже полковника, в 33-й армии Западного фронта. Он тогда командовал 1-м полком в 1-й артиллерийско-противотанковой истребительной бригаде и исполнял обязанности командира бригады. Это было в тяжелых боях где-то под Витебском.

4

В этой туманящей сознание и раздирающей душу обстановке 1937 года от всего командного состава потребовали сдать личное оружие, которое мы носили при себе всегда. Наганы с того момента выдавались только при заступлении на дежурство, при смене с дежурства или с караула они сразу же сдавались на склад.

Этот беспрецедентный акт я воспринял болезненно и с недоверием. Я истолковал его как разоружение личного состава Красной армии. Для чего? – спрашивал я себя. Неужели руководство страной или высшее командование не стало доверять армии? Или же это делают те же враги народа под благовидным предлогом, чтобы легче было свергнуть советскую власть?

«Не сдам пистолет, что бы со мной ни случилось!» И это мое решение было непоколебимым. Тогда уже командовал полком вместо Граматовича, назначенного с повышением, полковник Струнин, грубый и суровый начальник, живший с женой, как говорили, дочерью попа, и огромной собакой, с которой полковница не расставалась. С командным составом полковник общался редко, только официально, и относился к подчиненным высокомерно. Как мне пришлось убедиться впоследствии за долготлетнюю службу, такие люди неумны и уважением не пользуются. Видимо, поэтому Струнина в полку не любили, но побаивались.

Однажды в лагере пришел он в полк перед началом занятий и на расстоянии метров в двести увидел меня. Вспомнив о не сданном мной пистолете, Струнин заревел угрожающим тоном:

– Лейтенант Толконюк, ко мне!

Я пошел к нему, не ускоряя шага.

– Бегом, ко мне!.. – продолжал грозный начальник окрики.

Не стерпев хамства, я замедлил шаг. Заело самолюбие. Выведя нетерпеливого полковника из берегов самообладания, я наконец подошел к нему. Мы зашли в его кабинет. И тут он дал волю своему возмущению:

– Почему не сдали пистолет? В Соловки захотели? Десять лет получить набиваетесь?! Положите на стол пистолет! Я приказываю!..

– Не могу выполнить такого приказа. Не имею права. Пока я командир Красной армии и ношу военную форму, обезоружить себя не позволю никому, – заявил я, стараясь не терять самообладания.

– Вы что, хотите быть умнее всех? – продолжал распекать меня грозный командир. – Только вы один до сих пор не выполнили приказа. Я не потерплю у себя в полку такого безобразия! На Соловки упеку!

Я почти ничего не знал об этих злополучных Соловках. Тем не менее чаша моего терпения переполнилась и горькая обида полилась через край. Потеряв контроль над собой, не отдавая отчета своим поступкам и не думая о возможных последствиях, я в горячности отпарировал:

– Мне лучше десять лет отмучиться на обещанных вами Соловках, чем продолжать службу в вашем задрипанном полку. Я не преступник!

Более подходящего слова, чем «задрипанный», у меня не нашлось. Наступило тягостное молчание. И вдруг полковник прервал его неожиданно спокойным голосом:

– Наверное, у вас пистолет давно не чищен. Заржавел. Дайте я проверю и тут же верну вам, если он ухожен. Потом поступайте как знаете. Я не намерен нести ответственность за таких вот... как вы.

– Не выйдет, товарищ полковник, обезоружить меня даже обманным образом. Пистолет у меня можно изъять только у мертвого. Пока я при оружии, я не беспомощный и могу постоять за себя. А безоружный я ничто. Разрешите идти?

Не дождавшись ответа, я по-уставному повернулся кругом и вышел.

Не далее как через сутки меня пригласили на бюро батареинной комсомольской организации. Секретарем был один из подчиненных мне командиров взводов. Он открывает заседание и объявляет повестку дня: «Об антипартийном высказывании комсомольца Толконюка». Кто против? Никого против не оказалось.

Я был потрясен такой постановкой вопроса и не знал, как реагировать. Антипартийных высказываний я не допускал. В чем же дело? Тем временем секретарь продолжал:

– Он назвал наш полк задрипанным. А полк-то наш советский, а значит, и партийный...

Я очнулся от потрясения, почувствовав несерьезность секретаря, и, промолвив лишь одно слово: «Дураки!» – покинул заседание. Бюро решило исключить меня из комсомола «за антипартийное высказывание». Но те же члены бюро, приняв такое крайнее решение, к удивлению стали относиться ко мне подчеркнуто внимательно, с явной услужливостью и покорностью, проявляя строгую дисциплинированность, будто ничего не случилось.

На второй день меня вызвал комиссар полка Толмачев и сообщил, что решение бюро о моем исключении из комсомола он отменил без вынесения на общее собрание.

– Сдай пистолет – и все образуется – не приказал, а посоветовал комиссар.

Я ничего не ответил.

Поведение мое обсуждалось и на партбюро полка. Моему другу еще по военной школе члену партбюро Михаилу Ларионову было поручено повлиять на меня и уговорить сдать пистолет. К тому же он был как бы прикреплен ко мне, чтобы следить за мной и сдерживать от крайних поступков. Михаил держал меня в курсе всего, что происходило вокруг меня в партбюро и у командования полка. В разговоре наедине он предостерегал меня, что если я не сдам

пистолет, то меня арестуют за невыполнение приказа. Но я не внял его советам, а лишь заявил: если меня арестуют, то пусть арестовывают всех; тогда будет видно, что подвергаются арестам совсем невинные люди.

В Особый отдел меня ни разу не вызвали, что можно было ожидать. Они-то нашли бы способ отнять у меня оружие. Но почему они этого не сделали, осталось загадкой, по крайней мере для меня. Правда, ко мне приходил обслуживающий полк сотрудник Особого отдела НКВД: он угрожал и требовал отдать ему пистолет. Я категорически отверг требование, заявив, что ни разоружать, ни арестовывать себя не позволю, так как не чувствую за собой никакой вины.

– Вы можете просто застрелить меня из-за угла: другим способом взять меня не удастся, – твердо высказался я.

Особист посмеялся и, сказав, что никто меня не собирается ни арестовывать, ни расстреливать из-за угла, удалился ни с чем.

После этого взялись за меня посерьезнее. Мой вопрос рассматривали непосредственно на бюро комсомольской организации полка. Без моего присутствия. Решили исключить и вынесли на общее собрание. Выступали многие за и против исключения. Дали мне слово. Мои объяснения сводились примерно к следующему. Разоружаться не желаю и не считаю себя вправе сдавать пистолет. Я принял присягу – с оружием в руках защищать советскую власть. И я эту присягу выполню в любых условиях. Советская власть – это моя власть. Она меня воспитала с пионеров, дала военную профессию, вооружила и поручила защищать ее. Как же я, в случае необходимости, буду ее защищать безоружный?

Довод этот не был убедительным и своеобразно оскорблял тех, кто покорно разоружился. А это были все, кроме меня. Ведь при необходимости оружие выдавалось личному составу незамедлительно. Я это знал. И все же упорствовал, объясняя свое упорство неясностью происхождения. Кто-то попытался в выступлении обвинить меня в недоверии органам госбезопасности, но эта попытка прошла мимо внимания собрания: никто всерьез ее не принял.

По большинству голосов из комсомола меня не исключили. Так за пару недель повторялось два раза. С каждым разом количество голосов против меня увеличивалось. И когда первая очередь приписников учебный сбор закончила и был набран другой состав, не знавший ни меня, ни моей истории, на первом же собрании я был исключен из комсомола большинством в 12 голосов. Мало того, когда подошла очередь предоставить мне слово, в зале поднялся какой-то Ключков и с возмущением заявил следующее:

– Мы вывешиваем лозунги с призывом не превращать собрание в трибуну для врагов. Так почему же мы должны предоставлять ему слово?

Воспользовавшись вдруг возникшим шумом в зале, я поднялся на трибуну и дал отповедь сильно бдительному оратору. Большинство в 7 голосов слово мне было предоставлено. Но это ничего не изменило. Меня исключили. Но решение вступало в силу после его утверждения партийной комиссией дивизии. Я был серьезно обеспокоен и, не став дожидаться утверждения, обратился с письмом к комиссару дивизии, подробно объяснив ему свое поведение и создавшуюся ситуацию. Решение не сдавать пистолет я не изменил. Оно во мне укрепились еще больше, когда стало известно, что из шестнадцати лейтенантов, прибывших в полк вместе со мной из училища, девять уволено из армии по мотивам политического недоверия. Я знал своих однокурсников и за каждого мог поручиться.

Комиссар дивизии по фамилии, кажется Фидюнинский, вызвал меня к себе и, прежде чем приступить к разговору, вернул мне мое письмо. Разговор был коротким:

– Почему вы упорствуете со сдачей пистолета? Ведь это неповиновение приказу.

– Потому что, в случае чего, он мне понадобится для защиты советской власти, а может быть, и своей личности.

– Что вы один, даже с пистолетом, можете в этом отношении сделать? Это же смешно, если не сказать больше.

– Пусть так. Но все же хоть что-то да сделаю.

– Значит, вы думаете, что советской власти что-то или кто-то угрожает?

– Поскольку завелись враги народа, заговорщики, да еще в рядах Красной армии, угроза налицо.

– Логично. Но у нас есть кому заботиться о безопасности советской власти.

– Сложившаяся обстановка мне совершенно непонятна. Кто и зачем разоружает командный состав? Чтобы безоружных предавать как цыплят? Голыми руками? Какое основание не доверять нам, красным командирам?

Комиссар долго молчал и о чем-то думал. Казалось, что забыл про меня.

– Вот что я тебе скажу, сынок, – вдруг заговорил он ласково, перейдя на «ты». – Мне самому непонятно, что творится. Я – комиссар дивизии, старый большевик, выдавший виды и побывавший в разных переплетях, и то не могу разобраться, что творится. А тебе, сосунку, еще труднее. Не думай, что я не понимаю тебя. Да и тех, кто тебя исключил из комсомола. А пистолет сдай. Это нечто просто несерьезное, если не сказать больше. Давай будем с тобой умнее и выше всего этого. – Помолчав с минуту, он продолжил разговор следующими словами: – Давай договоримся так: ты сейчас пойдешь в полк и сдашь пистолет, как будто ничего и не было. А я обещаю отменить решение об исключении тебя из комсомола. Это мое право, и я им воспользуюсь. На этом и покончим. Не будем усложнять и без того сложных дел наших. Не будем усложнять... – повторил он фразу и, не закончив ее, сказал: – Договорились?

– Договорились! – подтвердил я машинально, не успев обдумать предложение уважаемого коммуниста.

Весь разговор с комиссаром, с которым я не был знаком ранее, не имел бы для меня такого значения, каким оказался, и не изменил бы решения о пистолете, если бы не фраза, брошенная им как бы невзначай: «Мне самому непонятно, что творится». Не знаю почему, но эта фраза меня подрубил под корень. Я проникся глубоким уважением и полным доверием к этому уже изрядно поседевшему человеку. Ослушаться я был не в состоянии, хотя он мне и не приказывал, а просто по-человечески дал совет.

Я ушел с чувством какого-то облегчения, прозрения и с уверенностью в лучшее будущее, которое во мне было почти утрачено. Пистолет я сдал в тот же день и остался в комсомоле, даже не получив никакого взыскания. У меня остался неразрешенным вопрос: почему не отняли у меня пистолет силой? Почему, наконец, меня не арестовали? Думается, что командование и Особый отдел не хотели иметь лишнего ЧП, могущего произойти, если бы я стал обороняться.

А может быть, меня оградила от трагического исхода дела моя молодость? Мне тогда шел двадцать четвертый год. Никто из молодых офицеров в полку арестован не был. Некоторых просто уволили по каким-то политическим мотивам. Виной тому был комиссар полка Толмачев, выразивший политическое недоверие многим командирам в данных им характеристиках. За это он потом поплатился. А командир полка Струнин вскоре был арестован как враг народа. Был ли он врагом – не знаю.

5

Я продолжал нормально служить. Возня с пистолетом и комсомольское разбирательство на мою службу заметно не повлияли.

В 1938 году я подал заявление в кандидаты партии. Меня приняли. Комиссар Толмачев также не воспрепятствовал приему. Он лишь сказал на бюро, когда меня принимали, что я заражен есенинщиной, но я, дескать, осознаю это и, как он надеется, исправлюсь.

Тогда же меня перевели в Управление Северо-Кавказского военного округа в Ростов-на-Дону, назначив на мобилизационную работу с допуском к секретам особой важности. К ноябрю 1938 года приказом наркома обороны мне досрочно было присвоено воинское звание «старший лейтенант».

Глава 4

В аппарате военного округа

1

В окружной аппарат офицеры подбирались очень тщательно. Чтобы быть удостоенным чести служить в таком высоком военном учреждении, как Управление округа, надо было обладать кристально чистой биографией, иметь отличную аттестацию и служебно-политическую характеристику, хорошее общее развитие, прилежность в работе и умение хранить военную и государственную тайну; уметь четко формулировать свои мысли, схватывать указания начальников с полуслова и грамотно разрабатывать служебные документы; быть выдержанным и дисциплинированным, чтобы в твоей преданности делу партии и народа ни у кого не было ни малейшего сомнения. Но и это не все. Надо, чтобы тебя заметил кто-либо из старших начальников и убедился в твоей пригодности к работе в высоком учреждении. И при всех этих качествах назначение не могло состояться без согласия и специального допуска Особого отдела к назначению и секретной работе. Это было решающим. Одним словом, кадры подбирались, как тогда говорили, по деловым и политическим качествам.

Почему же при таких жестких требованиях выбор пал на меня? Дело в том, что к лету 1938 года, в связи с проведенными арестами, в Управлении округа образовалось значительное количество вакантных должностей. Интересы дела требовали их срочно заполнить. И источником доукомплектования окружного аппарата были главным образом подчиненные штабы и войска. К тому же начальник артиллерии округа полковник Н.Д. Яковлев (ставший впоследствии маршалом артиллерии), беседуя с офицерами нашего полка, обратил на меня внимание при обсуждении нового Полевого устава. Видно, я ему приглянулся.

Признаться, я не был в восторге от выпавшей чести. Мне нравилась строевая служба, повседневная работа с живыми людьми, а не с бумагами.

Я был убежден, что в мои молодые годы, когда служба только начиналась, не следовало менять строй на штаб. Но тогда никто и не думал считаться с желанием назначаемого, речь могла идти только о том – подходишь или не подходишь. Приказ состоялся. И я, вместе с Иваном Шведковым, назначенным в адъютанты начальника артиллерии, распрощался с полком и уехал в Ростов-на-Дону к новому месту службы – старший помощник начальника мобилизационного отделения Управления начальника артиллерии округа. Об ожидавших меня обязанностях я не имел ни малейшего представления. Шел я в совершенно неизвестные мне среду и обстановку, где ни меня никто не знал, ни я не знал ни одного человека, с которыми предстояло работать. Само понятие «штаб округа» ассоциировалось в моем сознании как какая-то недостижимо высокая гора, приближение к которой вызывает робость и головокружение. Тем не менее пришлось переступить этот высокий порог и встать на новую ступеньку служебной лестницы.

2

Полноправным работником окружного аппарата я стал не сразу. Прежде всего предстояло представиться нескольким начальникам и получить разрешение на допуск к работе, связанной, оказывается, с документами особой важности, и пройти определенное испытание, выполнив ряд поручений, не имеющих прямого отношения к моим обязанностям. Мой непосредственный начальник майор Н.А. Пелевин повел меня представлять начальникам, стоя-

щим на разных ступенях служебной лестницы: начальник отдела артснабжения, начальник артиллерии, комиссар Управления артиллерии, комиссар штаба, начальник штаба и, наконец, член Военного совета округа. Все они задавали мне различные вопросы, бегло просматривали мое личное дело, сопровождавшее меня в руках Пелевина, и говорили напутственные слова, делая упор на мою ответственность за поручаемое дело. Визиты закончились последней фразой члена Военного совета дивизионного комиссара Шекланова: «Можно допускать к работе».

Мне выдали постоянный пропуск в штаб с большой красной цифрой «3». Эта цифра давала право беспрепятственного входа в любой отдел штаба, в том числе и на третий этаж, где размещались все отделения и отделы, связанные с мобилизационно-плановой работой. Работавшим на третьем этаже полагалась 15-процентная надбавка к денежному окладу за секретность и выдавались талоны на бесплатные завтраки. Мой месячный оклад, к удивлению, теперь равнялся окладу командира полка. Первое испытательное задание, полученное от майора Пелевина, заключалось в следующем. На основе многочисленных таблиц по артиллерийскому снабжению, приложенных к штатам военного времени, и совершенно секретных списков дислокации войск по гарнизонам, с помощью специальных таблиц и норм, схем мобразвертывания и расценок я должен был сделать массу вычислений и составить объемистый справочник о потребной складской площади для хранения артиллерийского вооружения, стрелкового оружия, боеприпасов и другого имущества, которое поставляется в войска по линии отдела артснабжения, по каждой части и по каждому гарнизону, с указанием стоимости строительства складов в денежном выражении. Легко представить, насколько сложным было задание для молодого и неопытного в таких делах офицера. Производство вычислений на логарифмической линейке я знал в совершенстве, владел и канцелярскими счетами. Но этого было недостаточно. Пришлось осваивать и вычислительные манипуляции на арифмометре. Такая чисто, казалось, бухгалтерская работа меня, строевого командира, не могла ни радовать, ни устраивать. Но отступить было некуда, и я взялся за дело. Пришлось засиживаться в кабинете до поздней ночи. В общем, все свое время я проводил за работой, за исключением сна и приема пищи. Дорабатывался до того, что когда поздним вечером шел с работы по плохо освещенному Буденновскому проспекту, то на спинах идущих впереди людей и на асфальте явно видел прыгающие цифры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.